

Долгая прогулка

Автор:

Стивен Кинг

Долгая прогулка

Стивен Кинг

Король на все времена

Это была страшная игра – игра на выживание. Это была Долгая Прогулка. Прогулка со Смертью, ибо смерть ожидала каждого упавшего. Дорога к счастью – потому что победивший в игре получал все.

На долгую прогулку вышли многие – но закончит ее только один. Остальные лягут мертвыми на дороге – потому что дорога к счастью для одного станет последней дорогой для многих.

Стивен Кинг

Долгая прогулка

Эта книга посвящается

Джиму Бишопу, Берту Хэтлену и Теду Холмсу

Для меня не было во Вселенной ни Жизни, ни Цели, ни Воли, ни даже Враждебности; вся она была одной огромной, мертвой, безмерной Паровой Машиной, что с мертвым безразличием катится вперед, чтобы уничтожить меня. О бескрайняя, печальная, пустынная Голгофа, о Мельница Смерти! Почему послан туда Живой, наделенный сознанием, в полном одиночестве? Почему –

ведь Дьявола нет? Его нет, если только Дьявол не есть твой Бог.

Томас Карлайл

Я советовал бы всем американцам ходить пешком как можно чаще. Ходьба не только полезна для здоровья; она – удовольствие.

Джон Ф. Кеннеди (1962)

Не работает насос —

Управляли им вандалы.

Боб Дилан

Часть первая

На старт

Глава 1

Скажи тайное слово и выиграй сотню долларов.

Джордж?.. Ты здесь, Джордж?

Джордж, кто выходит на старт первым?

Граучо Маркс

«Жизнь на карту»

В то утро на охраняемую автостоянку подъехал старенький синий «форд», похожий на маленькую измученную собачку, которой пришлось очень долго бежать. Один из охранников, скучающий молодой человек в форме цвета хаки, подпоясанный солдатским ремнем, спросил удостоверение личности – синюю пластиковую карточку. Сидевший на заднем сиденье юноша протянул ее матери, а та передала карточку охраннику. Охранник вставил ее в прорезь электронной машины, смотревшейся дико и неуместно посреди сельского однообразия. На мониторе машины высветились строчки:

ГАРРАТИ РЕЙМОНД ДЕЙВИС

ШОССЕ 1 ПАУНАЛ ШТАТ МЭН

ОКРУГ АНДРОСКОГГИН

№ УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89

ОК-ОК-ОК

Охранник нажал на кнопку, и буквы исчезли, зеленоватый экран монитора вновь стал ровным и пустым. Взмахом руки охранник предложил «форду» въехать на стоянку.

– Что, они не отдадут карточку? – спросила миссис Гаррати. – Разве они не...

– Нет, мама, – терпеливо отозвался Гаррати.

– Как хочешь, мне это не нравится, – заметила миссис Гаррати, вырывая на свободное место. Эту фразу она постоянно повторяла начиная с двух часов ночи, когда они с сыном отправились в путь. Собственно, она не говорила, а стонала.

– Не волнуйся, – пробормотал он, не слыша собственного голоса. Ему нужно было как следует оглядеться, а кроме того, его переполняло ожидание, смешанное со страхом. Он выскочил из машины едва ли не раньше, чем стих последний

астматический вздох двигателя. Высокий, хорошо сложенный парень в выгоревшей армейской куртке.

Весна. Утренний холодок. Восемь часов.

Мать – тоже высокая, но чересчур худая. Грудь, можно сказать, отсутствует; легкий намек на выпуклость. Глаза бегают, взгляд неуверенный, растерянный. Лицо очень больной женщины. Стального оттенка волосы растрепались, несмотря на сложную систему заколок. Одежда висит на ней мешком, как будто она недавно сильно похудела.

– Рей, – прошептала она заговорщицки; этот тон он с некоторых пор ненавидел. – Рей, послушай...

Он кивнул и сделал вид, что поправляет складки на куртке. Один из охранников ел кукурузные хлопья из жестяной банки и просматривал книжку комиксов. Гаррати смотрел на него и его книжку и в тысячный раз повторял про себя: «Все это действительно случилось». И впервые эта мысль показалась ему не слишком тяжелой.

– Еще не поздно передумать...

Страх ожидания мгновенно вернулся к нему.

– Нет, уже поздно, – возразил он. – Вчера был последний день.

Все тот же ненавистный конспираторский шепот:

– Они поймут, я знаю. Главный...

– Главный... – начал Гаррати и вдруг умолк, увидев, как содрогнулась мать. – Мама, ты знаешь, как поступит Главный.

Еще одна машина остановилась у ворот и въехала на стоянку после положенного мини-ритуала. Из нее выбрался темноволосый молодой парень, за ним – его родители. Все трое постояли около машины, о чем-то совещаясь, как бейсболисты, чья команда оказалась в трудном положении. На спине у

темноволосого был легкий рюкзак, популярный среди юношей его возраста. Гаррати подумал, что, возможно, совершил глупость, не взяв с собой рюкзак.

– Так ты не передумаешь?

Чувство вины; чувство вины, скрытое под личиной волнения. Хотя Рею Гаррати исполнилось всего шестнадцать лет, он представлял себе, что такое чувство вины. Миссис Гаррати чувствовала, что она слишком устала, слишком измучена, может быть, слишком поглощена старым горем, чтобы погасить порыв сына в зародыше, погасить прежде, чем вспыхнули экраны компьютеров, явились солдаты в форме цвета хаки и бесчувственная машина государственного подавления начала привязывать к себе ее сына все больше и больше с каждым днем. Вчера же дверь, отгородившая его от мира, с лязгом захлопнулась окончательно.

Он тронул ее за плечо:

– Мама, это моя инициатива. Не твоя, я знаю. Я... – Он осмотрелся. Ни один человек вокруг не обращал на них ни малейшего внимания. – Я люблю тебя, но в любом случае это лучший выход.

– Неправда, – возразила она, едва сдерживая слезы. – Это не лучший выход, Рей, и если бы твой отец был здесь, то он бы остановил...

– Но его с нами нет. – Он говорил намеренно жестко, надеясь не дать ей расплакаться... Что, если придется оттащить ее силой? Эта мысль отрезвила его, и он добавил уже более мягко: – Теперь пойдём, мама. Идем? – Он заставил себя улыбнуться и ответил за нее сам: – Идем.

У нее дрожал подбородок, но она кивнула. Она не согласна, но уже поздно. Делать нечего.

Ветки сосен шелестят на ветру. Над головой – чистое голубое небо. А впереди дорога, и на ней – каменный столб, означающий границу между Штатами и Канадой. Внезапно его страх отступил перед ожиданием будущего, и он ощутил желание двигаться вперед.

– Вот, я приготовила. Ты возьмешь? Оно ведь не очень тяжелое. – Мать протянула ему завернутый в фольгу пакет печенья.

– Да-да. – Он взял печенье и неловко обнял ее, рассчитывая дать ей то, в чем она нуждалась. Поцеловал в щеку. Кожа у нее как задубевший шелк. Он сам сейчас мог бы расплакаться. Но ему представилось улыбающееся усатое лицо Главного, и он отступил на шаг, засунув сверток с печеньем в карман куртки. – До свидания, мама.

– До свидания. Будь умницей.

Она вдруг показалась ему почему-то очень легкой, как будто ее, как парашютик одуванчика, занесло сюда утренним ветром. Потом она села в машину и включила зажигание. Гаррати стоял и смотрел на нее. Она помахала ему рукой. По ее щекам теперь действительно текли слезы. Он видел это. И помахал в ответ. Она отъехала, а он стоял неподвижно, думая о том, каким красивым, храбрым и стойким, наверное, выглядит. Но вот машина выехала со стоянки, и на него накатило ощущение одиночества. Теперь он был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком, всеми покинутым в незнакомом месте.

Он снова взглянул на дорогу. Там стоял темноволосый парнишка и смотрел, как отъезжают со стоянки его родные. На одной щеке у него красовался большой шрам. Гаррати подошел к нему и сказал:

– Привет.

Темноволосый окинул его взглядом и ответил:

– Здорово.

– Меня зовут Рей Гаррати, – сказал Гаррати и слегка смутился.

– Питер Макврайс.

– Уже готов? – спросил Гаррати.

Макврайс пожал плечами:

– Рвуть в бой. Это хуже всего.

Гаррати кивнул.

Они вдвоем дошли до дороги, до пересекающей ее каменной черты. Они слышали, как за их спинами отъезжают другие машины. Вскрикнула какая-то женщина. Гаррати и Макврайс бессознательно придвинулись друг к другу. Ни тот ни другой не оглядывались. Перед ними лежала широкая черная дорога.

– К полудню асфальт раскалится, – заметил Макврайс. – Лично я буду держаться поближе к обочине.

Гаррати кивнул. Макврайс задумчиво посмотрел на него:

– Какой у тебя вес?

– Сто шестьдесят.

– У меня сто шестьдесят семь. Говорят, быстрее устает тот, кто тяжелее, хотя я, по-моему, в неплохой форме.

Гаррати показалось, что Макврайс не просто в неплохой форме – он поразительно натренирован. Гаррати уже хотел спросить, кто это говорит, будто большой вес способствует быстрой усталости, но передумал. С Прогулкой связано множество апокрифов, суеверий, мифов.

Рядом в тени сидели еще двое мальчиков. Макврайс присел рядом с ними, а через секунду около него опустился и Гаррати. Макврайс как будто совершенно не замечал его. Гаррати взглянул на часы. Пять минут девятого. Впереди пятьдесят пять минут. Вернулось чувство нетерпеливого предвкушения; Гаррати попытался подавить его, говоря себе, что нужно просто посидеть, пока есть возможность.

Все ребята сидели – группами и поодиночке. Один забрался на нижнюю ветку сосны, нависшую над дорогой, и жевал сандвич с чем-то вроде мармелада. Костлявый блондин в темно-красных штанах и старой, протертой на локтях зеленой кофте на «молнии». Под кофтой на нем была синяя, прошитая

серебристыми нитями льняная рубашка. Гаррати спросил себя – долго выдержат тощие или быстро сгорят.

Двое парней, к которым подсели они с Макврайсом, разговаривали друг с другом.

– Я не буду торопиться, – сказал один. – Чего ради? Если и получу предупреждение, так что с того? Подтвердил, что понял, и все. Подтверждение – вот главное слово. Вспомни, где ты об этом впервые услышал?

Он осмотрелся по сторонам и заметил Гаррати и Макврайса.

– А, вот и еще ягнята на бойню явились. Меня зовут Хэнк Олсон. Для меня Прогулка – игра, – добавил он без тени улыбки.

Гаррати назвал себя. Макврайс, все еще глядя на дорогу, также рассеянно представился.

– Меня зовут Арт Бейкер, – произнес второй парень. В его речи чувствовался легкий южный акцент.

Все четверо обменялись рукопожатиями.

Помолчав, Макврайс сказал:

– Страшновато, да?

Двое кивнули, а Хэнк Олсон пожал плечами и усмехнулся. Гаррати увидел, как мальчишка на сосне доел сэндвич, скомкал лист промасленной бумаги, в которую был завернут его завтрак, и швырнул его через плечо. Этот быстро сгорит, подумал Гаррати. От этой мысли ему стало чуточку легче.

– Видите пятно возле той черты? – неожиданно спросил Олсон.

Все посмотрели в ту сторону. Тени слегка плясали на дороге благодаря утреннему ветру. Гаррати не мог понять, видит он что-нибудь или нет.

– Оно осталось от Долгой Прогулки позапрошлого года, – с довольной улыбкой сказал Олсон. – Пацан настолько перепугался, что просто-таки окоченел на месте в девять часов.

Все молча подумали об ужасе, сковавшем того пацана.

– Ну, не мог двигаться. Получил три предупреждения, и в девять ноль две утра ему выдали билет – прямо тут, у линии старта.

Гаррати подумал: не окоченеют ли ноги у него самого. Скорее – нет, но ничего нельзя сказать наверняка, пока не придет время. Ужасная мысль. Интересно, зачем Хэнку Олсону понадобилось заговаривать о таких страшных вещах?

Вдруг Арт Бейкер выпрямился:

– Он едет.

Возле каменной черты остановился серовато-коричневый джип. За ним на значительно более медленной скорости следовал необычного вида полугрузовой автомобиль, оснащенный спереди и сзади маленькими, словно игрушечными, тарелками радарных установок. На крыше кузова расположились двое солдат с крупнокалиберными армейскими карабинами. При виде их Гаррати ощутил холодок в животе.

Кое-кто из собравшихся вскочил на ноги при виде новоприбывших, но Гаррати остался сидеть. Так же поступили Олсон и Бейкер, а Макврайс, по-видимому, вновь погрузился в свои мысли, едва взглянув на приближающиеся машины. Костлявый парень, сидящий на ветке сосны, лениво болтал ногами.

Из джипа вышел сам Главный, высокий, загорелый мужчина. Его простой костюм защитного цвета хорошо гармонировал с выдубленной на солнце кожей. Он был перепоян армейским ремнем, за которым торчал пистолет, а глаза прятались за зеркальными очками. Поговаривали, что глаза Главного болезненно чувствительны к свету и он никогда не появляется на людях без темных очков.

– Ребята, садитесь, – сказал он. – Помните Совет Тринадцатый.

Совет Тринадцатый гласил: «Берегите энергию при любой возможности».

Все снова сели. Гаррати опять посмотрел на часы. Восемь шестнадцать. Вероятно, часы спешат на минуту. Главный никогда не опаздывает. Гаррати подумал, что надо бы перевести часы, но тут же забыл об этом намерении.

– Я не собираюсь произносить речь, – сказал Главный, обводя всех взглядом пустых линз, скрывавших его глаза. – Хочу только поздравить находящегося среди вас победителя и выразить свое уважение проигравшим.

Он повернул голову к джипу. Наступила напряженная тишина. Гаррати вдохнул свежий весенний воздух. День будет теплый. Хорошая погода для ходьбы.

Главный снова повернулся к ним. В руках у него теперь была папка.

– Прошу вас сделать шаг вперед и получить номер, когда я назову ваше имя. После этого возвращайтесь на место и оставайтесь там, пока не придет время старта. Пожалуйста, будьте внимательны.

– Теперь мы в армии, – с ухмылкой пробормотал Олсон, но Гаррати не обратил на него внимания. Главным нельзя было не восхищаться. Отец Гаррати – еще до того, как его увели солдаты Взвода, – любил повторять, что Главный – это самое свирепое и опасное страшилище, какое мог породить род людской, что общество напрасно поддерживает этого человеконенавистника. Но сам Гаррати никогда не видел Главного собственными глазами.

– Ааронсон.

Приземистый, коренастый и загорелый деревенский парень неловко шагнул вперед, явно напуганный присутствием Главного. Он получил большую пластиковую цифру «1» и прикрепил ее на рубаху при помощи липучки. Главный хлопнул его по спине.

– Абрахам.

Высокий рыжеватый парень в теннисной майке и джинсах. Его пиджак был подпоясан на школьный манер, и полы отчаянно хлопали по бедрам. Олсон

подавил смешок.

- Бейкер, Артур.

- Это я, - сказал Бейкер и поднялся. Его обманчиво ленивые движения встревожили Гаррати. Бейкер - крепкий парень. Бейкер должен продержаться долго.

Бейкер вернулся. Он уже прикрепил номер 3 к рубашке на правой стороне груди.

- Он тебе что-то сказал? - спросил Гаррати.

- Спросил, не стало ли мне в последнее время жарковато дома, - застенчиво ответил Бейкер. - Ну да, Главный... со мной поговорил.

- Здесь-то будет еще жарче, - хрипло заметил Олсон.

- Бейкер, Джеймс, - вызвал Главный.

Церемония продолжалась без заминок до восьми сорока. Неявившихся не было. С автостоянки опять стал доноситься шум моторов отъезжающих машин - ребята из списка запасных отправлялись домой, чтобы наблюдать за Долгой Прогулкой по телевизору. Началось, подумал Гаррати, теперь уже началось.

Когда очередь дошла до него, Главный вручил ему номер 47 и пожелал удачи. Вблизи Гаррати почувствовал исходящий от Главного запах мужчины, запах какой-то подавляющей силы. У него внезапно возникло почти непреодолимое желание дотронуться до бедра этого человека, чтобы убедиться, что Главный реален.

Питер Макврайс оказался шестьдесят первым. Хэнк Олсон - семидесятым. Он простоял рядом с Главным дольше прочих. В ответ на какие-то его слова Главный рассмеялся и хлопнул Олсона по спине.

- Я сказал - надеюсь, он мне подкинет денег, когда придет время, - сказал Олсон, вернувшись на свое место. - А он говорит: а ты заставь их поработать. Говорит, ему нравится видеть крутых ребят. Вот, мол, и заставь их попотеть,

устрой им ад, парень.

– Нормально, – заметил Макврайс и подмигнул Гаррати. Гаррати не понял, что означает это подмигивание. Может, Макврайс смеется над Олсоном?

Выяснилось, что фамилия сидевшего на дереве костлявого парня – Стеббинс. Он подошел к Главному опустив голову, получил номер, не произнес ни слова, вернулся к дереву и уселся на землю, прислонясь к стволу. Чем-то этот мальчишка привлекал Гаррати.

Номер 100 достался крупному энергичному парню с огненно-рыжими, как жерло вулкана, волосами. Его фамилия – Зак. Когда он получил номер, все уселись и принялись ждать, что будет дальше.

А дальше трое солдат, приехавших в автофургоне, раздали всем широкие пояса с укрепленными на них большими карманами на защелках. В карманах лежали тюбики с высококалорийными концентратами. Другие солдаты принесли фляги. Ребята застегнули ремни и закрепили на них фляги. Олсон подпоясался на ковбойский манер, извлек плитку шоколада «Уэйфа» и откусил от нее.

– Неплохо, – заметил он ухмыляясь. Затем сделал глоток из фляги и прополоскал рот. Гаррати не мог понять, что означает поведение Олсона: просто ли он бравирует, или ему известно нечто такое, чего не знает сам Гаррати.

Главный пристально оглядел их. Часы Гаррати показывали 8:56 – как, неужели уже так поздно? В желудке остро заныло.

– Ну ладно, ребята, давайте стройтесь по десять человек. В любом порядке. Хотите – становитесь рядом с друзьями.

Гаррати поднялся. Казалось, все тело онемело и утратило реальность. Оно словно больше не принадлежало ему.

– Ладно, пошли, – услышался рядом голос Макврайса. – Всем удачи.

– Удачи вам, – неожиданно для самого себя отозвался Гаррати.

– Что с моей дурацкой башкой? – воскликнул Макврайс.

Он вдруг побледнел, на лбу у него выступил пот, и он уже не выглядел таким великолепно тренированным спортсменом, каким показался Гаррати совсем недавно. Он пытался улыбнуться, но у него ничего не выходило. Шрам на щеке походил на какой-то безобразный знак препинания.

Стеббинс поднялся на ноги и легкой походкой подошел к последнему, десятому ряду строя. Олсон, Бейкер, Макврайс и Гаррати заняли места в третьей шеренге. У Гаррати пересохло во рту. Не попить ли воды? Он решил – не стоит. Никогда прежде он так явственно не ощущал свои ноги. Возможно, он застынет и получит билет прямо на линии старта. Не исключено, что Стеббинс – тот, что в темно-красных штанах, тот, что жевал сэндвич с мармеладом, – быстро сломается. Не исключено, что он сломается еще быстрее. Интересно, что он почувствует, если...

8:59 на часах.

Главный не отрываясь смотрел на карманный хронометр из нержавеющей стали. Он медленно поднял руку. Сотня мальчиков пожирала его глазами. Настала жуткая, глубочайшая тишина. Вселенская тишина.

Часы Гаррати уже показывали 9:00, но поднятая рука не двигалась.

Давай же! Чего же он ждет?

Ему хотелось выкрикнуть эти слова.

Потом он вспомнил, что его часы спешат на минуту – ведь по Главному можно сверять часы, он просто забыл.

Рука Главного резко опустилась.

– Удачи всем, – сказал он.

Лицо его оставалось непроницаемым, а глаза скрывались за зеркальными очками. Все равномерно, не толкаясь, двинулись вперед.

Двинулся и Гаррати. Он не застыл. И никто не застыл. Ноги его маршевым шагом ступили на каменную черту. Слева от него шел Макврайс, справа – Олсон. Топот шагающих ног был очень громким.

Вот оно, вот оно, вот оно.

Внезапно его охватило безумное желание остановиться. Просто чтобы посмотреть, насколько тут все серьезно. С негодованием и легким страхом он отогнал от себя эту мысль.

Они вышли из тени, и их осветило теплое весеннее солнце. Приятное ощущение. Гаррати расслабился, сунул руки в карманы и спокойно зашагал в ногу с Макврайсом. Строй стал рассыпаться, каждый искал оптимальную для него скорость и ширину шага. Полугрузовой фургон грохотал по обочине; колеса поднимали клубы мелкой пыли. На крыше непрерывно вертелись маленькие блюдца-радары, передавая информацию о скорости каждого Идущего на мощный бортовой компьютер. Низшая допустимая скорость – ровно четыре мили в час[1 - около 6,5 км в час. – Здесь и далее примеч. пер.].

– Предупреждение! Предупреждение восемьдесят восьмому!

Гаррати вздрогнул и оглянулся. Это Стеббинсу. Стеббинс – восемьдесят восьмой. К Гаррати вдруг пришла уверенность, что Стеббинс получит билет раньше, чем стартовая черта пропадет из поля зрения.

– Неглупо. – Это Олсон.

– Что именно? – переспросил Гаррати. Каждое движение языка стоило ему усилий.

– Он получает предупреждение, пока еще свежий, и теперь будет чувствовать предел. И ничто его не колышет: если ты в течение часа не получаешь нового предупреждения, с тебя снимается одно из прежних. Сам знаешь.

– Знаю, конечно, – отозвался Гаррати. Об этом говорилось в своде правил. Они выносят три предупреждения. Если твоя скорость в четвертый раз упадет ниже четырех миль в час, тебя... в общем, тебя снимают с Прогулки. Но если после

трех предупреждений ты будешь нормально идти три часа, солнце опять может сиять в твоей душе.

- Ну так и он знает, - сказал Олсон. - В десять ноль две у него никаких проблем.

Гаррати быстро шел вперед. Он отлично себя чувствовал. Когда Идущие взошли на вершину холма и начали спускаться в большую долину, где росли сосны, стартовая черта скрылась из виду. Справа и слева простирались квадратные свежевспаханные поля.

- Говорят, тут картофель растет, - сказал Макврайс.

- Да, лучший в мире, - машинально отозвался Гаррати.

- Ты что, из Мэна? - спросил Бейкер.

- Да, местный. - Он посмотрел вперед. Несколько ребят, шедших со скоростью, наверное, миль шесть в час, оторвались от основной группы. Двое из них были в одинаковых кожаных куртках с одинаковыми рисунками на спине - похоже на орла. Их пример подзадоривал, но Гаррати решил не торопиться. Совет Тринадцатый: «Берегите энергию при любой возможности».

- Трасса проходит вблизи твоего города? - спросил Макврайс.

- Милях в семи. Думаю, мама и моя девушка выйдут посмотреть на меня. - Он помолчал и нерешительно добавил: - Конечно, если я дотуда дойду.

- Елки-палки, да когда мы весь штат пройдем, отвалится не больше двадцати пяти! - воскликнул Олсон.

Все замолчали. Гаррати знал, что с дистанции сойдут больше двадцати пяти человек, но подозревал, что Олсон и сам об этом знает.

Еще двое получили предупреждения, и, несмотря на слова Олсона, сердце Гаррати каждый раз уходило в пятки.

Он оглянулся на Стеббинса. Тот по-прежнему держался в задних рядах и ел теперь новый сэндвич с мармеладом. Из кармана его старой зеленой кофты торчал пакет с третьим сэндвичем. Гаррати подумал, что эти сэндвичи, должно быть, сделала мать Стеббинса, и вспомнил о печенье, которое ему дала мама – которое она всучила ему, словно отгоняя от него злых духов.

– Почему на старт Долгой Прогулки не пускают зрителей? – спросил Гаррати.

– Это отвлекает Идущих, – раздался в ответ резкий голос.

Гаррати повернул голову. С ним заговорил невысокий, темноволосый, очень собранный с виду мальчишка с номером 5 на вороте пиджака. Гаррати забыл его фамилию.

– Отвлекает? – переспросил он.

– Да. – Номер 5 пошел рядом с Гаррати. – Главный говорил, что самое важное в начале Долгой Прогулки – это сосредоточенность и спокойствие. – В задумчивости он прижал большой палец к кончику острого носа. На носу осталось ярко-красное пятно. – И я согласен. Возбуждение, толпы, телекамеры – это все потом. А сейчас нам одно нужно: сосредоточиться. – Его глубоко посаженные темно-коричневые глаза глянули на Гаррати, и он повторил: – Сосредоточиться.

– Лично я, – вмешался Олсон, – сосредоточен на том, чтобы вовремя поднимать ноги и опускать.

Пятый, судя по всему, обиделся.

– Необходимо успокоиться. Сосредоточиться на себе. И непременно нужен План. Кстати, меня зовут Гэри Баркович. Из Вашингтона, округ Колумбия.

– А я – Джон Картер, – сказал Олсон. – Моя родина – Барсум, планета Марс.

Баркович скривил губы в довольной ухмылке, которая, впрочем, тут же пропала.

– Я так скажу: есть часы – должна быть и кукушка, – заявил Олсон.

Однако Гаррати казалось, что Баркович мыслит весьма трезво, – казалось на протяжении следующих пяти минут, пока один из солдат не выкрикнул:

– Предупреждение! Предупреждение пятому!

– У меня камень в башмаке! – прошипел Баркович.

Солдат ничего не сказал. Он просто спрыгнул с фургона на обочину дороги как раз тогда, когда с ним поравнялся Баркович. В руке у него был хронометр из нержавеющей стали, совершенно такой же, как у Главного. Баркович остановился и снял башмак. Вытряс камешек. Его темное, напряженное, блестящее от пота лицо не дрогнуло, когда солдат объявил:

– Второе предупреждение пятому!

Баркович провел ладонью по затянутой в носок подошве.

– Ох-хо, – произнес Олсон. Все они уже обернулись и шагали теперь спиной вперед.

Стеббинс, все еще держась в арьергарде, прошел мимо Барковича, даже не взглянув на него. Баркович стоял в одиночестве чуть правее белой линии и завязывал башмак.

– Третье предупреждение пятому. Последнее.

В желудке у Гаррати перевернулся какой-то предмет – вроде липкого слизистого комка. Ему не хотелось смотреть, но и не смотреть он не мог. Не то чтобы он, идя спиной вперед, берег энергию при любой возможности, но он не мог не взглянуть. Он почти что чувствовал, как испаряются последние секунды Барковича.

– Ох, влип, по-моему, парень, – сказал Олсон. – Сейчас билет получит.

Но Баркович уже выпрямился. Он еще помедлил, чтобы отряхнуть с колен дорожную пыль, а потом затрусил вперед, нагнал основную группу и перешел на

ровный шаг. Он обошел Стеббинса, который так и не взглянул на него, и поравнялся с Олсоном.

Баркович улыбнулся, его карие глаза сверкнули.

– Видел? Зато я получил передышку. Это входило в мой План.

– Может, ты так и думаешь, – возразил Олсон – громче, чем обычно. – Я только знаю, что у тебя теперь три предупреждения. Ради каких-то паршивых полутора минут тебе теперь придется шагать... три... часа. А какого хрена тебе понадобилось отдыхать? Мы же только стартовали!

Баркович обиженно и зло взглянул на Олсона.

– Посмотрим, кто из нас первым получит билет, – сказал он. – Все это входило в мой План.

– Твой План подозрительно напоминает ту штуку, что периодически вываливается у меня из задницы, – заявил Олсон. Бейкер подавил смешок.

Баркович фыркнул и обогнал их.

Олсон не мог отказать себе в удовольствии и выпустил последний залп:

– Смотри не споткнись, приятель! Они больше предупреждать не будут. Они тебя просто...

Баркович даже не оглянулся, и Олсону пришлось сдаться.

Когда часы Гаррати показывали девять часов тринадцать минут (Гаррати позаботился о том, чтобы перевести их на минуту назад) и они добрались до вершины холма и начали спуск, с ними поравнялся джип Главного. Он ехал по обочине, противоположной той, по которой двигался автофургон. Главный поднес к губам работающий на батарейках мегафон:

– Рад сообщить вам, друзья, что вы одолели первую милю вашей дистанции. Хочу также напомнить вам, что на сегодняшний день самый длинный участок

трассы, пройденный Идущими в полном составе, составляет семь миль и три четверти. Надеюсь, вы превзойдете этот результат.

Джип уехал вперед. Олсон, казалось, с удивлением и даже страхом обдумывал услышанное. Даже меньше восьми миль, подумал Гаррати. Кто бы мог предположить. Ему-то казалось, что по крайней мере до полудня ни у кого – даже у Стеббинса – билетов не будет. Он вспомнил Барковича. Этому стоит всего один раз в течение ближайшего часа снизить скорость...

– Рей! – окликнул его Арт Бейкер. Он уже снял плащ и повесил его на руку. – Скажи, у тебя была какая-нибудь особая причина выйти на Долгую Прогулку?

Гаррати отвинтил крышку фляги и сделал глоток воды. Вкусной холодной воды. Слизнул оставшуюся на верхней губе каплю. Замечательное ощущение, замечательное.

– Даже не знаю, – подумав, ответил он.

– Вот и я тоже. – Бейкер задумался. – Может, у тебя что-нибудь случилось? Неприятности в школе?

– Нет.

– У меня тоже. Только, по-моему, это не имеет значения. По крайней мере сейчас.

– Да, сейчас не имеет, – согласился Гаррати.

Разговор сошел на нет. Они в этот момент проходили через небольшую деревеньку, мимо сельского магазина и заправочной станции. Возле заправки сидели в шезлонгах два старика, похожие на старых черепах; их глубоко посаженные глаза внимательно наблюдали за процессией. Стоящая на крыльце магазина молодая женщина подняла на руках маленького сына, чтобы он смог как следует разглядеть Идущих. Двое мальчишек, как показалось Гаррати, лет двенадцати, проводили их грустным взглядом.

Ребята начали прикидывать, сколько они уже прошли. Прошелестел слух, что второй патрульный фургон отправлен вслед за полудюжиной лидеров –

основная группа их уже не видела. Кто-то сказал, что они делают семь миль в час. Кто-то возразил – десять. Кто-то безапелляционно заявил, что вырвавшийся вперед парень сник и уже получил два предупреждения. Гаррати подумал про себя, что в таком случае они бы уже нагнали того парня.

Олсон прикончил начатую еще на старте плитку шоколада «Уэйфа» и запил ее водой. Кое-кто также закусывал, но Гаррати решил подождать, пока не проголодается по-настоящему. Он слышал, что пищевые концентраты очень хороши. Такими питаются в космосе астронавты.

В начале одиннадцатого они миновали знак ЛАЙМСТОУН. 10 МИЛЬ. Гаррати вспомнил ту единственную Долгую Прогулку, на которую его взял с собой отец. Они тогда поехали во Фрипорт и видели, как Идущие проходят через город. И мама была с ними. Идущие устали, у них набрякли мешки под глазами, они почти не замечали приветственных криков «ура!» и машущих рук, но зрители все равно не умолкая подбадривали тех, за кого они болели или на кого поставили в тотализаторе. Когда они вернулись домой, отец сказал ему, что люди стояли вдоль дороги от самого Бангора. Вне городской черты смотреть не так интересно, да и доступ для зрителей строго запрещен – вероятно, чтобы Идущие могли идти спокойно и сосредоточенно, как и говорил Баркович. Дальше, вероятно, к зрителям будут относиться не столь сурово.

В том году Идущие подошли к Фрипорту после семидесяти двух часов пути, если не больше. Гаррати было тогда десять лет, и все происходившее на его глазах произвело на него сильное впечатление. Главный обратился с речью к толпе, когда Идущие находились милях в пяти от города. Начал Главный со слов о Соревновании, затем обратился к Патриотизму, после чего перешел к непонятному предмету под названием Валовой Национальный Продукт. Гаррати посмеялся тогда, поскольку в его понимании слово «валовой» было связано с рогатыми волами. Он съел в тот день шесть сосисок в тесте, а когда Идущие показались на дороге, он намочил штаны.

Один участник тогда кричал. Его крик стал самым ярким воспоминанием Гаррати. Он кричал в такт каждому шагу: Не могу. НЕ МОГУ. Не могу. НЕ МОГУ. Однако продолжал идти. И все продолжали идти, и очень скоро арьергард процессии миновал библиотеку Бина, вышел на Федеральное шоссе 1 и скрылся из виду. Гаррати был слегка разочарован тем, что на его глазах никто не получил билета. С тех пор их семья не посещала Долгую Прогулку. Вечером того дня Гаррати слышал, как его отец натужно орал на кого-то по телефону, точно

так, как в тех случаях, когда он напивался или вступал в беседу о политике, а на заднем плане звучал голос матери, точнее, заговорщицкий шепот, уговаривающий отца замолчать, ну пожалуйста, надо замолчать, пока кто-нибудь не подслушал разговор.

Гаррати снова глотнул воды и подумал: как там сейчас Баркович?

Они шли мимо домов. Их хозяйева со всеми домочадцами высыпали на газоны и стояли там, улыбаясь, размахивая руками, потягивая кока-колу.

- Гаррати! - сказал Макврайс. - Эй, эй, смотри, там твои.

У обочины стояла симпатичная девушка лет шестнадцати, в белой блузке и черных велосипедных шортах с красной полосой, и держала в руках плакат: УРА УРА ГАРРАТИ НОМЕР 47 Мы тебя любим Рей парень из Мэна.

Сердце Гаррати ухнуло вниз. Неожиданно он понял, что победит. В этом его убедила безымянная девушка.

Олсон намекающе присвистнул, сжал кулак и несколько раз быстро выбросил вперед прямой указательный палец. Гаррати воспринял его жест как очень грязную шутку.

К черту Совет Тринадцатый. Гаррати подбежал к обочине. Девчонка увидела его номер и взвизгнула. Бросилась к нему и принялась целовать взасос. Он в свою очередь решительно поцеловал ее. Девушка осторожно просунула язык между его губ. И еще раз. Почти не сознавая, что делает, он положил руку на ее округлую ягодицу и сжал ее.

- Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

Гаррати отступил на шаг и усмехнулся:

- Благодарю.

- О... о... ну конечно!

Глаза девушки блестели как две звездочки.

Он подумал, что бы еще сказать, но увидел, что солдат уже открыл рот, чтобы вынести ему второе предупреждение. Поэтому быстро вернулся в колонну, чуть задыхаясь и одновременно ухмыляясь. Все-таки он испытывал чувство вины за нарушение Совета Тринадцатого.

Олсон тоже усмехнулся:

– Я бы за такое и на три предупреждения согласился.

Гаррати не ответил; он обернулся и помахал девушке. Когда она пропала из виду, он уже вновь шел вперед твердым шагом. Остается час до снятия предупреждения. Следует соблюдать осторожность, чтобы не заработать еще одно. Но он отлично себя чувствует. Он в форме. Ему кажется, что он способен прошагать без остановки до самой Флориды.

Он слегка ускорил шаг.

– Рей! – Макврайс все еще улыбался. – Зачем так торопиться?

Да, верно. Совет Шестой: тише едешь – дальше будешь.

– Спасибо.

Макврайс по-прежнему улыбался:

– Не благодари меня. Я тоже намерен победить.

Гаррати недоуменно посмотрел на него.

– Девиз трех мушкетеров для нас неуместен. Ты мне нравишься, и только слепой не увидит, что ты имеешь успех у красивых девчонок. Но если ты споткнешься, я тебе помогать не стану.

– Да.

Он улыбнулся Маквайсу, но улыбка вышла неубедительной.

– С другой стороны, – медленно, растягивая слова, произнес Бейкер, – мы здесь вместе и не должны портить друг другу настроение.

Маквайс улыбнулся:

– Тоже верно.

Дорога теперь шла в гору, и все замолчали, чтобы не нарушать ритм дыхания. На середине подъема Гаррати снял куртку и перебросил через плечо. Несколько секунд спустя они прошли мимо лежащего на обочине свитера. Вечером, подумал Гаррати, кто-то еще пожалеет об этой штуке. Один из вырвавшихся вперед Идущих выдыхается.

Гаррати постарался выбросить эту мысль из головы. Он чувствует себя отлично. У него много сил.

Глава 2

Эллен, деньги теперь у тебя. Вот и храни их, если, конечно, ты не захочешь купить то, что спрятано за занавеской.

Монти Холл

«Не заключить ли сделку»

Харкнесс. Номер сорок девять. А ты – Гаррати. Номер сорок семь. Точно?

Гаррати посмотрел на Харкнесса. Коротко стриженный, в очках. Красное потное лицо.

– Так точно.

В руках у Харкнесса была тетрадка. Он занес туда фамилию и номер Гаррати. Почерк корявый, прыгающий – ведь Харкнесс делал записи на ходу.

Записывая данные о Гаррати, Харкнесс налетел на парня по имени Колли Паркер, и тот сказал Харкнессу, что надо, мол, черт побери, смотреть, куда прешь. Гаррати подавил улыбку.

– Я все фамилии и номера записываю, – сказал Харкнесс. Когда он поднял голову, луч яркого утреннего солнца отразился в стеклах его очков, и Гаррати прищурился, чтобы не отводить взгляда. Было уже десять тридцать, они находились в восьми милях от Лаймстоуна, и им оставалось пройти без потерь всего одну милю и три четверти, чтобы повторить рекорд Долгой Прогулки.

– Тебе разве не интересно, зачем я записываю все номера и фамилии? – спросил Харкнесс.

– На Взвод Сопровождения работаешь, – бросил через плечо Олсон.

– Нет, я буду писать книгу, – мечтательно сказал Харкнесс. – Когда все это закончится, я напишу книгу.

Гаррати усмехнулся:

– То есть если ты победишь, то напишешь книгу.

Харкнесс пожал плечами:

– Ну да, наверное. Но послушай: книга о Долгой Прогулке, написанная ее участником, представляющая взгляд изнутри, может сделать автора богатым человеком.

Маквайс громко рассмеялся:

– По-моему, если ты победишь, то будешь богатым человеком и без всякой книги.

Харкнесс нахмурился:

– Наверное, да... И все-таки книга, я думаю, должна получиться интересной.

Идущие двигались вперед. Харкнесс продолжал записывать номера и фамилии. Как правило, ребята охотно называли себя и шутливо желали книге Харкнесса грандиозного успеха.

Пройдено шесть миль. Среди Идущих возобновились разговоры о том, что у группы есть хороший шанс побить рекорд. Гаррати подумал: а с чего они вообще хотят побить этот рекорд? Ведь чем больше участников сойдет с дистанции в самом начале, тем больше шансов на победу будет у оставшихся. Наверное, все дело в тщеславии. И еще прошелестел слух, что во второй половине дня ожидается гроза; по-видимому, решил Гаррати, у кого-то с собой есть транзистор. Если прогноз верен, то их ждут неприятности. Проливные дожди в начале мая бывают обычно не самыми теплыми.

Они продолжали идти.

Макврайс шагал уверенно, голову держал прямо и слегка размахивал руками в такт ходьбе. Он попытался было выйти на обочину, но отказался от этой идеи, так как идти по мягкой почве оказалось труднее. Предупреждений он не получал, и, если его рюкзак натирал ему плечо или причинял еще какие-нибудь неудобства, он не подавал виду. Когда процессия проходила мимо стоящих у дороги людей, Макврайс махал им и его тонкие губы складывались в улыбку. И никаких признаков усталости.

Бейкер двигался как бы рысцой, слегка подгибая колени, как будто был готов опуститься на них, когда его никто не увидит. Он лениво помахивал пиджаком, улыбался глазеющим на них зевакам и время от времени принимался насвистывать какую-то мелодию. По мнению Гаррати, держался он так, словно мог шагать вечно.

Олсон сделался далеко не так разговорчив, как вначале. Довольно часто он быстрым движением сгибал колено. Каждый раз Гаррати слышал хруст сустава. Очевидно, подумал Гаррати, на Олсоне сказались пройденные шесть миль. Наверняка одна из его фляг уже почти пуста. Скоро ему понадобится отлить.

Баркович шел все той же прыгающей походкой впереди основной группы, как будто намереваясь догнать лидеров. Он успел избавиться от одного из трех

предупреждений и заработать новое пять минут спустя. Гаррати решил, что Баркович должен быть доволен таким результатом – в его-то положении.

Стеббинс по-прежнему шел сам по себе. Гаррати ни разу не видел, чтобы Стеббинс с кем-нибудь заговорил. Интересно, подумал он, замкнутость тому причиной или усталость? Ему все еще казалось, что Стеббинс рано сойдет с дистанции – возможно, сойдет первым, – но он не смог бы сказать, на чем основывается его уверенность. Стеббинс снял свою старую зеленую кофту и держал теперь в руке последний сэндвич с мармеладом. Он ни на кого не обращал внимания. Лицо его было похоже на маску.

Они шли вперед.

На перекрестке полицейские перекрыли движение на время прохода Идущих, каждого из которых они приветствовали. Двое или трое ребят, пользуясь своей неприкосновенностью, в ответ поковыряли в носу. Гаррати не одобрял таких жестов. Он кивнул полицейским и улыбнулся, одновременно спрашивая себя, не считают ли полицейские всех Идущих сумасшедшими.

Автомобили гудели; какая-то женщина пронзительно закричала, зовя своего сына. Она пристроилась на обочине, по всей вероятности, специально для того, чтобы удостовериться, что ее мальчик все еще не выбыл из Прогулки.

– Перси! Перси!

Оказалось, что Перси – номер 31. Он вспыхнул, махнул матери рукой и поспешил дальше, чуть наклонив голову. Женщина рванулась на дорогу. Стоящие на крыше автофургона сопровождающие напряглись, но один из полицейских вежливо удержал женщину за руку. Затем Идущие прошли поворот, и перекресток пропал из виду.

Они прошли по мосту на деревянных опорах. Внизу извивалась небольшая речка. Гаррати, проходя вблизи перил, глянул вниз и на мгновение увидел собственное лицо, правда, искаженное.

Они прошли мимо указателя ЛАЙМСТОУН. 7 МИЛЬ. Чуть дальше над дорогой была натянута полотняная полоса с текстом: ЛАЙМСТОУН ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПРИВЕТСТВОВАТЬ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ. Гаррати произвел в уме

вычисления и убедился, что до рекорда Долгой Прогулки осталось меньше мили.

По рядам Идущих опять пошли разговоры. На этот раз их предметом стал парень по фамилии Керли, номер 7. У Керли судорогой свело ногу, а первое предупреждение он получил еще раньше.

Гаррати немного ускорил шаг и поравнялся с Макврайсом и Олсоном.

- Где он?

Олсон указал большим пальцем на костлявого, осторожно вышагивающего парня в синих джинсах. Он пытался отрастить бакенбарды. Безуспешно. На его серьезном худом лице сейчас отражалась мучительная сосредоточенность. Он таращился на свою правую ногу. Он уговаривал ее потерпеть. Он терял под собой почву, и это было написано у него на лице.

- Предупреждение! Предупреждение седьмому!

Керли попробовал заставить себя идти быстрее. Он слегка задыхался – не только от усилий, но и от страха, решил Гаррати. Он позабыл обо всем, кроме Керли. Он полностью утратил ощущение времени. Он наблюдал за стараниями Керли, а в его мозгу тупо ныла мысль, что такие же старания, возможно, предстоят ему самому – через час или через день.

Перед ним предстало самое захватывающее зрелище в его жизни.

Керли медленно отставал, и несколько Идущих получили предупреждения, так как, увлекшись, сбавили скорость, чтобы идти вровень с Керли. Это означало, что Керли очень близок к поражению.

- Предупреждение! Предупреждение седьмому! Третье предупреждение седьмому!

- У меня судорога! – хрипло прокричал Керли. – Нечестно так! У меня же судорога!

Он шел теперь почти рядом с Гаррати. Гаррати видел, как ходит вверх-вниз его кадык. Керли отчаянно массировал ногу. Гаррати ощущал накатывающий волнами запах паники, исходящий от Керли. Запах этот напоминал аромат свежерезанного спелого лимона.

Он обогнал Керли, и вдруг тот крикнул за его спиной:

– Слава Богу! Отпускает!

Никто не произнес ни слова. Гаррати почувствовал жестокое разочарование. Он понимал, что это нехорошее чувство, неспортивное, но ему хотелось знать, что кто-то получит билет раньше его. Кому же хочется ломаться первым?

Часы показывали пять минут двенадцатого. Гаррати подумал, что они, должно быть, побили рекорд, если считать, что они прошли два часа со скоростью четыре мили в час. Скоро они будут в Лаймстоуне. Он обратил внимание, что Олсон опять согнул в колене одну ногу, затем другую. Из любопытства он решил сделать то же самое. Коленная чашечка ощутимо хрустнула. Он удивился тому, насколько онемели суставы. Но ступни пока не болели. Это уже кое-что.

На примыкавшей к трассе грунтовой дороге стоял грузовик с молочной цистерной. Водитель грузовика сидел на капоте. Когда группа проходила мимо него, он приветливо помахал рукой:

– Давай, ребята, вперед!

Гаррати вдруг разозлился. Ему захотелось крикнуть: А может, ты подымешь свою жирную задницу и пойдешь с нами – вперед? Но молочнику уже больше восемнадцати лет. Похоже, ему хорошо за тридцать. Старый он.

– Ладно, старик, дай пять! – неожиданно прокаркал Олсон, и в группе раздались смешки.

Грузовик скрылся из виду. Теперь трассу Прогулки все чаще пересекали небольшие дороги, все больше полицейских стояло у обочины, все чаще гудели автомобильные клаксоны и приветственно махали зрители. Кто-то бросал конфетти. Гаррати начал ощущать собственную значимость. Как-никак он –

«парень из Мэна».

Внезапно Керли вскрикнул. Гаррати оглянулся через плечо. Керли согнулся пополам и схватился за ногу. И продолжал кричать. Невероятно, но он все еще шел, хотя и очень медленно. Слишком, слишком медленно.

Так же медленно, как будто в такт шагам Керли, произошло все остальное. Стоящие в сопровождающем автофургоне солдаты подняли карабины. Зрители ахнули, словно не знали, что то, что последует, правильно, и Идущие ахнули, словно и они не знали, и Гаррати тоже ахнул, хотя он, конечно же, знал, ну конечно, все они знали, все это очень просто, Керли сейчас получит свой билет.

Щелкнули предохранители. Мальчики в страхе бросились врассыпную подальше от Керли. Внезапно Керли остался один на залитой солнцем дороге.

- Нечестно! - завопил он. - Это же несправедливо!

Группа вошла на участок дороги, затененный кронами деревьев. Кто-то из Идущих смотрел назад, кто-то - прямо перед собой, боясь увидеть то, что должно было произойти. Гаррати смотрел назад. Ему необходимо было видеть.

Голоса публики разом смолкли, как будто кто-то просто выключил звук и оставил только изображение.

- Это не...

Залп четырех карабинов. Очень громкий залп. Подобно множеству бильярдных шаров, звук покатился вдаль, ударился о склоны холмов и возвратился эхом.

Угловатая, покрытая прыщами голова Керли исчезла, и во все стороны брызнула каша из крови, мозга и осколков черепа. Тело Керли рухнуло вперед на белую полосу, как мешок с песком.

«Осталось 99, - с тоской подумал Гаррати. - 99 бутылок на полке, и если одной из них случится упасть... О Боже... Господи Боже...»

Стеббинс переступил через тело. Одна его нога случайно попала в лужу крови, и при его следующем шаге на дороге остался кровавый отпечаток подошвы, такой, какой можно увидеть на фотографии в журнале «Сыщик-детектив». Стеббинс не взглянул под ноги на то, что осталось от Керли. Выражение его лица не изменилось. Стеббинс, ах ты, сволочь, подумал Гаррати, ведь это же ты должен был первым получить билет, разве ты не знал? Гаррати отвернулся. Ему не хотелось, чтобы его затошнило. Ему не хотелось, чтобы его вырвало.

Стоявшая около автобуса «фольксваген» женщина спрятала лицо в ладонях. В горле у нее что-то булькало. Гаррати заметил, что у нее сквозь платье видны трусики. Голубые трусики. Непонятно почему, но настроение у него вдруг снова поднялось.

Какой-то лысый толстяк пялился на тело Керли и ожесточенно тер бородавку за ухом. Не отводя взгляда и не прекращая тереть бородавку, он облизнул пересохшие губы. Он все еще таращился на тело, когда Гаррати проходил мимо него.

Они шли вперед. Гаррати опять оказался рядом с Олсоном, Бейкером и Макврайсом. Они старались держаться вместе, как будто инстинктивно искали друг у друга поддержки. Сейчас все четверо смотрели прямо перед собой. Лица их были подчеркнута непроницаемы. Казалось, эхо выстрелов все еще дрожит в воздухе. Гаррати не мог выбросить из головы кровавый отпечаток теннисной туфли Стеббинса. Ему стало интересно, не оставляет ли Стеббинс до сих пор красные следы, он уже повернул было голову, чтобы посмотреть, но приказал себе не быть глупцом. Однако вопросы не уходили. Было ли Керли больно? Почувствовал он, как его ударили пули? Или просто он был жив, а в следующую секунду мертв?

Конечно же, было больно. Очень больно было до того, это самая невыносимая боль, это пытка – знать, что тебя скоро не станет, а Земля этого не почувствует, будет все так же спокойно вертеться.

Пронеслось сообщение о том, что Идущие прошли почти девять миль, прежде чем Керли заработал билет. Говорили, Главный доволен как слон. Гаррати не понимал, как кто-то мог узнать о настроении Главного.

Гаррати вдруг захотелось узнать, что сделали с телом Керли, и он торопливо оглянулся. Но группа уже миновала очередной поворот. Керли не было видно.

– Что у тебя в рюкзаке? – неожиданно спросил Маквайса Бейкер. Ему наверняка хотелось, чтобы вопрос прозвучал абсолютно непринужденно, но его выдавал голос – слишком высокий, пронзительный, почти сорванный.

– Чистая рубашка, – ответил Маквайс. – И непрожаренные гамбургеры.

– Непрожаренные гамбургеры! – скривился Олсон.

– Мясо с кровью хорошо восстанавливает силы, – возразил Маквайс.

– Желудок расстроишь. Блевать будешь всю дорогу.

Маквайс только улыбнулся.

Гаррати слегка пожалел, что не захватил с собой непрожаренных гамбургеров. Насчет восстановления сил он ничего не знал, просто ему нравились непрожаренные гамбургеры. Это лучше, чем шоколад и концентраты. Он вспомнил о своем печенье. Впрочем, после Керли у него пропал аппетит. Да неужели после Керли он может всерьез думать о гамбургерах?

Среди зрителей быстро распространилась информация о том, что один из Идущих получил билет и сошел с дистанции, и они почему-то стали еще громче подбадривать участников Прогулки. Гаррати подумал, что неприятно, должно быть, когда в тебя стреляют на глазах у толпы, а потом решил, что, когда дело заходит так далеко, толпа уже до лампочки. Керли, во всяком случае, было до лампочки. И все же это было бы неприятно. Гаррати сказал себе, что не нужно об этом думать.

Обе стрелки его часов указывали на двенадцать. Они прошли по ржавому мосту, проложенному над глубоким оврагом, и на другой его стороне увидели транспарант: ЛАЙМСТОУН. ГОРОДСКАЯ ЧЕРТА. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА!

Некоторые ребята радостно закричали, но Гаррати решил не нарушать ритм дыхания.

Дорога стала шире, и Идущие свободнее распределились на ней. Теперь они шли уже не такими тесными группами. В конце концов Керли остался в трех милях позади.

Гаррати вынул завернутое в фольгу печенье, повертел его в руках. Усилием воли отбросил грустную мысль о матери. Во Фрипорте он увидит маму и Джен. Они обещали. Он проглотил одно печенье и немного повеселел.

– Знаешь, что я тебе скажу? – обратился к нему Макврайс.

Гаррати покачал головой, сделал глоток из фляги и помахал пожилой чете, сидевшей у дороги с небольшой картонкой, на которой было написано ГАРРАТИ.

– Я понятия не имею, чего мне захочется, если я тут выиграю, – продолжал Макврайс. – В сущности, я ни в чем не нуждаюсь. То есть у меня нет престарелой парализованной матери, отцу не требуется искусственная почка или что-нибудь в этом роде. У меня нет даже младшего брата, умирающего от лейкемии. – Он засмеялся и откупорил свою флягу.

– Значит, у тебя есть своя цель, – заметил Гаррати.

– В том-то и дело, что цели у меня нет. Все это предприятие бесцельно.

– Ну, не говори так, – искренне возразил Гаррати. – Если бы тебе дали возможность начать все сначала...

– Ну да, да, я бы все равно пошел, но...

– Эге! – воскликнул Пирсон, парень, идущий впереди. – Тротуар!

Они наконец в самом деле вошли в город. Симпатичные домики устроились в отдалении от дороги и наблюдали за Идущими. На покатых зеленых газонах было полно народу; все махали руками, выкрикивали приветствия. Гаррати показалось, что почти все зрители сидят. Сидят на земле, в шезлонгах – как те

два старика на заправочной станции, – на раскладных столиках для пикников. Даже на детских качелях сидят. Гаррати ощутил злобную зависть.

Валяйте, машите до посинения. Будь я проклят, если стану вам отвечать. Совет Тринадцатый. Берегите энергию при любой возможности.

В конце концов он решил про себя, что это ребячество с его стороны. Разве он не «парень из Мэна»? Он принял решение: приветствовать всех, у кого будут таблички с надписью ГАРРАТИ. И всех красивых девушек.

Они шли и шли, мимо пересекающих трассу улиц и переулков. Сикамора-стрит. Кларк-авеню. Эксчейндж-стрит. Джунипер-лейн. Мимо бакалейной лавки с рекламой пива «Наррагансетт» в витрине, мимо магазина «15 центов», оклеенного фотографиями Главного.

На тротуарах тоже стояли люди, но рядами, а не беспорядочными группами. Честно говоря, Гаррати ожидал большего. Он знал, что настоящие толпы будут встречать их на трассе потом, но все равно чувствовал себя так, как будто ему подсыревшую хлопушку. А бедняге Керли и этого не досталось.

Неожиданно с боковой улицы вывернул джип Главного и поехал рядом с основной группой. Лидеры Прогулки по-прежнему шагали далеко впереди.

Публика разразилась приветственными криками, а Главный кивал головой, улыбался, махал зрителям. Затем он повернул голову влево и отсалютовал мальчикам. Гаррати почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Яркие лучи полуденного солнца отражались в стеклах очков Главного.

Главный поднял мегафон:

– Я горжусь вами, ребята! Я вами горжусь!

За спиной Гаррати кто-то негромко, но отчетливо произнес:

– Дерьмо собачье.

Гаррати обернулся, но сзади не было никого, кроме четырех или пяти ребят, пожиривших глазами Главного (один из них внезапно понял, что машет, и виновато опустил руку), а также Стеббинса. Стеббинс, похоже, вообще не смотрел на Главного.

Рев мотора – и джип рванул вперед. Через секунду Главного уже не было видно.

Около двенадцати тридцати они вошли в центр Лаймстоуна. Гаррати был разочарован. Захолустный городишко с единственным пожарным гидрантом. Деловая часть, три магазина подержанных автомобилей, кафе «Макдональдс», «Бургер-кинг», «Пицца-хат», промышленная зона – вот и весь Лаймстоун.

– Невелик городок, правда? – сказал Бейкер.

Олсон хохотнул.

– Наверное, в таком местечке было бы неплохо жить, – вступился Гаррати.

– Боже сохрани меня от местечек, где неплохо было бы жить, – сказал с улыбкой Макврайс.

– Дело вкуса, – обиженно бросил Гаррати.

К часу дня Лаймстоун стал для них воспоминанием.

Маленький, очень гордый собой мальчик в пестром хлопчатобумажном комбинезоне почти милю отшагал вместе с ними, а затем присел на землю и проводил их взглядом.

Местность делалась все более холмистой. Гаррати почувствовал, что впервые с начала Прогулки его по-настоящему прошибает пот. Рубашка прилипла к спине. Справа, кажется, сгущаются грозовые тучи, но пока они еще далеко. Да и легкий ветерок освежает.

– Гаррати, какой следующий большой город? – спросил Макврайс.

– По-моему, Карибу.

Гаррати терзался вопросом, съел ли Стеббинс свой последний сандвич. Стеббинс застрял у него в голове, как популярная мелодия, которая бесконечно крутится в мозгу и сводит с ума. Уже половина второго. Участники Долгой Прогулки одолели восемнадцать миль.

- Далеко до него?

Гаррати пришел в голову вопрос: а каков рекорд дистанции, пройденной участниками Долгой Прогулки в количестве девяноста девяти человек? Восемнадцать миль – это немало. Восемнадцать миль – есть чем гордиться. Я прошел восемнадцать миль. Восемнадцать.

- Я спросил... – спокойно начал Макврайс.

- Отсюда, наверное, миль тридцать.

- Тридцать, – подтвердил Пирсон. – Зуб даю.

- Карибу побольше Лаймстоуна, – сказал Гаррати. Ему все еще хотелось защищать местные города, одному Богу известно почему. Может, потому что многие ребята умрут в этом штате. Вполне возможно, умрут все. За всю историю Долгих Прогулок лишь шесть раз группа пересекала границу штата Нью-Хэмпшир и только одна группа добралась до Массачусетса. По мнению экспертов, эти результаты, подобно рекордному достижению Хэнка Аарона[2 - имеется в виду достижение, рекордное для бейсбольных чемпионатов США.] в семьсот тридцать, кажется, пробежек, никому не суждено превзойти. Может быть, и сам он умрет на этой земле. Но он – другое дело. Умереть на родной земле. Он полагал, что Главному подобное понравится. «Умер на родной территории».

Он откупорил флягу и обнаружил, что она пуста.

- Флягу! – выкрикнул он. – Сорок седьмому флягу!

С фургона прыгнул солдат и передал ему новую флягу. Когда солдат повернулся, чтобы двинуться назад, Гаррати дотронулся до его карабина. Ему хотелось, чтобы движение вышло незаметным, но Макврайс увидел.

– Зачем ты?

Гаррати смущенно улыбнулся:

– Не знаю. Наверное, вместо того чтобы постучать по дереву.

– Знаешь, Рей, ты славный парень, – сказал Макврайс и зашагал быстрее. Когда он поравнялся с Олсоном, Гаррати остался в одиночестве. Он смутился сильнее, чем когда-либо в жизни.

93-й номер – Гаррати не знал его фамилии – обошел его справа. Он сосредоточенно смотрел себе под ноги, губы его беззвучно шевелились – он считал шаги. И он слегка пошатывался.

– Привет, – окликнул его Гаррати.

93-й повернул голову. У него были пустые глаза, такие же, как у Керли в те секунды, когда тот проигрывал бой с судорогой в ноге. Гаррати понял: 93-й устал. Он знает об этом и боится. Гаррати почувствовал, как желудок медленно переворачивается на триста шестьдесят градусов.

Их тени двигались по асфальту рядом с ними. Без четверти два. А в девять утра было прохладно, они сидели на траве в тени, и было это как будто месяц назад.

Без нескольких минут два в группе снова заговорили. Гаррати уже представлял себе в первом приближении психологический механизм распространения слухов. Кому-то что-то становится известно, и информация очень быстро делается всеобщим достоянием. Слух рождается в процессе передачи из уст в уста. Так говорят, например, о дожде. Похоже, дождь собирается. Весьма вероятно, что начнется дождь. А тот, у кого есть радио, заявляет, что скоро ливанет как из ведра. Удивительно только, как часто слухи оказываются верными. И когда в группе проносится слух, что кто-то сдает, значит, дела у этого пацана плохи. В этих случаях слух всякий раз верен.

На этот раз заговорили о том, что у девятого номера, Эвинга, появились волдыри на ногах и он уже получил два предупреждения. Предупреждения имелись у многих участников Прогулки, и это нормально. Но говорили, что Эвинг попал в

скверное положение.

Гаррати передал то, что услышал, Бейкеру, и Бейкер вроде бы удивился.

– Тот черный парень? – спросил он. – Тот, иссиня-черный?

Гаррати сказал, что представления не имеет, черный Эвинг или белый.

– Да черный. Вон он. – Пирсон указал на Эвинга. Гаррати разглядел маленькие сверкающие бисеринки пота на его лице. Гаррати охватил ужас, когда он увидел, что Эвинг шагает в кроссовках.

Совет Третий: не надевайте кроссовки. Еще раз: не надевайте кроссовки. В ходе Долгой Прогулки никакая другая обувь не обеспечит вам волдыри так скоро.

– Мы с ним вместе приехали, – сказал Бейкер. – Он из Техаса.

Бейкер увеличил скорость и поравнялся с Эвингом. Они довольно долго беседовали. Потом – постепенно, чтобы самому не получить предупреждения, – Бейкер замедлил шаг. Гаррати отметил, что Бейкер сильно помрачнел.

– Пузыри появились у него на ногах в двух милях отсюда. А в Лаймстоуне они начали лопаться. Он идет, а из лопнувших пузырей на ногах сочится гной.

Все молча слушали. Гаррати снова вспомнил о Стеббинсе. У Стеббинса – теннисные туфли. Может быть, он также натер ноги.

– Предупреждение! Предупреждение девятому! Девятый, у вас третье предупреждение!

Солдаты уже внимательно наблюдали за Эвингом. И Идущие наблюдали. Эвинг оказался в центре внимания. Его белая майка, столь разительно контрастирующая с темной кожей, покрылась серыми пятнами – от пота. Гаррати видел, как двигались под кожей спинные мускулы Эвинга. Хорошие у него мускулы, их хватило бы на много дней, но Бейкер сказал, что у Эвинга из вскрывшихся пузырей течет гной. Пузыри на ногах, судороги. Гаррати содрогнулся. Внезапная смерть. Никакие мускулы, никакие тренировки не

спасут от пузырей и от судорог. Скажите, ради всего святого, о чем думал Эвинг, когда надевал эти кроссовки?

К ним присоединился Баркович. И он глядел сейчас на Эвинга.

– Пузыри! – Баркович произнес это слово так, как будто хотел сказать, что мать Эвинга – последняя шлюха. – А чего вы, собственно, ожидали от этого тупого ниггера? Чего, говорите?

– Вали отсюда, – сказал спокойно Бейкер, – иначе я тебя пришью.

– Это не по правилам, – огрызнулся Баркович с деланной ухмылкой. – Не забывай, голяк.

Тем не менее он отошел. И как будто унес с собой окружавшее его ядовитое облачко.

Два часа дня, два тридцать. Тени Идущих удлиннились. Группа взошла на вершину пологого холма, и Гаррати увидел вдали окутанные голубой дымкой горы. Давно показавшаяся на западе грозовая туча потемнела, ветер усилился, высушил пот Гаррати, по спине побежали мурашки.

Несколько мужчин, стоявших возле «форда» с домиком-прицепом, неистово завопили, приветствуя Идущих. Все туристы были здорово пьяны. Ребята помахали им в ответ. После мальчика в пестром комбинезоне они еще никого не встречали.

Гаррати вскрыл тубик с концентратом и съел содержимое, даже не прочитав этикетку. В концентрате чувствовался слабый вкус свинины. Гаррати подумал о гамбургерах Макврайса. Подумал о большом шоколадном торте с вишенкой наверху. Об оладьях. Непонятно почему, ему вдруг захотелось холодных оладий, щедро политых яблочным желе. Когда они с отцом в ноябре ездили на охоту, мать каждый раз готовила такие, и они брали оладьи с собой.

Десять минут спустя в голове Эвинга появилась дыра.

Эвинг шел посреди группы ребят, когда его скорость в последний раз упала ниже допустимого уровня. Может быть, он надеялся, что ребята защитят его. Но солдаты знали свое дело. Они были профессионалами. Они растолкали всех. Оттащили Эвинга к обочине. Он попытался сопротивляться, но как-то вяло. Один из солдат завел Эвингу руки за спину, а другой приставил дуло карабина к виску и застрелил парня. Одна нога Эвинга конвульсивно дернулась.

– Кровь у него того же цвета, что и у всех, – неожиданно сказал Макврайс. Голос его показался очень громким в наступившей после выстрела тишине. Его кадык дернулся, и в горле что-то булькнуло.

Двоих уже не было. Шансы оставшихся выросли на микроскопическую величину. Снова зазвучали приглушенные голоса, и Гаррати опять спросил себя: что же они делают с телами?

Заткнись! Слишком много вопросов! – неожиданно заорал он на самого себя.

И понял, что уже устал.

Часть вторая

Вперед по дороге

Глава 3

У тебя будет тридцать секунд, и не забудь, что ответ давать ты должен в форме вопроса.

Арт Флеминг

«Опасность»

В три часа на дорогу упали первые капли дождя – крупные, круглые, темные. Тучи нависали над головами – черные, страшные и притягательные. Высоко над ними раздавались раскаты грома, похожие на оглушительные хлопки. Далеко впереди в землю ударила голубая вилка молнии.

Гаррати накинул куртку вскоре после того, как Эвинг получил билет; теперь он застегнул «молнию» и поднял воротник. Харкнесс, возможно, будущий писатель, заботливо упаковал свою тетрадь в пластиковый пакет. Баркович надел желтую широкополую виниловую шляпу. Лицо его от этого невероятно переменялось, хотя трудно было бы в точности определить, в чем именно состояла перемена. В шляпе он был похож на угрюмого смотрителя маяка.

Сокрушительный раскат грома.

– Начинается! – воскликнул Олсон.

И дождь хлынул. В первые минуты он был настолько силен, что Гаррати почувствовал себя надежно отрезанным от мира сплошной пеленой. Он мгновенно промок до нитки. Волосы превратились в мокрую шапку. Он запрокинул голову и улыбнулся дождю. Ему хотелось бы знать, видят ли их солдаты. Ему хотелось бы знать, возможно ли сейчас незаметно...

Он еще не сформулировал последний вопрос полностью, как первый бешеный натиск стал ослабевать, и теперь можно было что-то разглядеть за дождевой завесой. Гаррати оглянулся через плечо на Стеббинса. Стеббинс шагал сгорбившись, прижав руки к животу, и Гаррати сначала показалось, что у него начались судороги. На мгновение его охватила отчаянная паника; в случаях с Керли и Эвингом он не ощущал ничего подобного. Ему больше не хотелось, чтобы Стеббинс рано сломался.

Однако он тут же разглядел, что Стеббинс просто-напросто защищает от дождя оставшуюся у него в руках половину сэндвича. Тогда он отвернулся и с облегчением стал снова смотреть вперед.

Наверное, решил он, мать Стеббинса – набитая дура, раз не догадалась завернуть эти дурацкие сэндвичи в фольгу на случай дождя.

Учения небесной артиллерии продолжались. Гаррати почувствовал оживление, как будто дождь смыл вместе с потом часть его усталости. Ливень опять усилился. Впрочем, довольно скоро он перешел в легкую изморось. Облака над головой начали понемногу рассеиваться.

Рядом с Гаррати шел теперь Пирсон. Вот он подтянул джинсы. Они были слишком большого размера, и ему часто приходилось их поддегивать. Он носил очки в роговой оправе со стеклами, похожими на донышки бутылок из-под колы; сейчас он как раз протирал их полой рубашки. Он беззащитно моргал, как все близорукие люди, когда им приходится снимать очки.

– Что, Гаррати, хорош душ?

Гаррати кивнул. Впереди, на значительном расстоянии от остальных, Макврайс шагал спиной вперед и мочился на ходу.

Гаррати посмотрел на солдат. Разумеется, они тоже промокли, но если дождь и доставил им какие-либо неудобства, они этого не показывали. У них деревянные лица. Интересно, подумал Гаррати, что они чувствуют, когда им приходится стрелять в человека? Он вспомнил, как целовал девушку с транспарантом, как щупал ее ягодицу. Как ощущал трусики под велосипедными шортами. И как тогда почувствовал себя сильным.

– Тот парень сзади что-то неразговорчив, правда? – неожиданно сказал Бейкер, указывая большим пальцем назад на Стеббинса. Брюки Стеббинса, намкнув, из темно-красных стали почти черными.

– Да. С ним не поговоришь.

Макврайс сбавил скорость, чтобы застегнуть ширинку, и заработал предупреждение. Прочие поравнялись с ним, и Бейкер повторил ему свое замечание насчет Стеббинса.

– Одиночка по натуре, так что с того? – заметил Макврайс и пожал плечами. – Я думаю...

– Э-эй, – перебил его Олсон. Заговорил он впервые за довольно долгое время, и его голос звучал как-то странно. – Что-то у меня с ногами.

Гаррати внимательно посмотрел на него и увидел, что у него в глазах уже поселилась паника. И ни следа былой бравады.

– Что с ними? – спросил Гаррати.

– Как будто все мышцы... обвисли.

– Расслабься, – посоветовал Макврайс. – У меня было то же самое пару часов назад. Это проходит.

Во взгляде Олсона сверкнуло облегчение.

– Правда?

– Точно тебе говорю.

Олсон ничего не сказал, хотя губы его шевелились. Гаррати решил, что он молится, но потом понял, что тот просто считает шаги.

Внезапно они услышали два выстрела, затем крик и третий выстрел.

Они увидели, что впереди на дороге, уткнувшись лицом в лужу, лежит парень в синем свитере и грязных белых брюках. Одна туфля слетела у него с ноги. Гаррати заметил, что на нем белые спортивные носки. Совет Двенадцатый рекомендовал надевать такие.

Гаррати перешагнул через тело, мельком глянув на дыры в голове. Прошелестел слух о том, что этот погиб оттого, что просто сбавил скорость. Никаких волдырей или судорог, он всего лишь слишком часто сбавлял скорость.

Гаррати не знал ни его имени, ни номера. А может быть, и никто не знал. Может быть, этот парень был таким же одиночкой по натуре, как и Стеббинс.

Участники Долгой Прогулки отшагали двадцать пять миль. Они шли теперь вдоль нескончаемой череды лесов и полей, и лишь изредка им на пути попадался одинокий домик или перекресток, где их поджидали, невзирая на стихающий уже дождик, радостные зрители. Была среди них, например, одна старая дама, неподвижно стоящая под черным зонтиком. Она не махала Идущим, не кричала, не улыбалась. Никаких признаков жизни в ее фигуре, ни единого движения, если не считать развевающегося на ветру подола черного платья. На среднем пальце ее правой руки был широкий перстень с малиновым камнем. А у ворота – потускневшая брошь.

Они пересекли давным-давно заброшенную железнодорожную ветку – ржавые рельсы, заросшие сорняком шпалы. Кто-то споткнулся, упал, получил предупреждение, поднялся на ноги и продолжил путь, несмотря на разбитое в кровь колено.

До Карибу оставалось всего девятнадцать миль, но до темноты они туда не доберутся. «Никакого отдыха, идти нам как проклятым», – подумал Гаррати, и это показалось ему забавным. Он рассмеялся.

Макврайс подозрительно взглянул на него:

– Устаешь?

– Нет, – отозвался Гаррати. – Я уже давно устал. – Он как будто с раздражением посмотрел на Макврайса. – Хочешь сказать, ты не устал?

– Ты, Гаррати, танцуй со мной так, как танцевал до сих пор, – ответил Макврайс, – и я никогда не устану. Мы только сотрем башмаки до дыр и добредем до звезд и до луны.

Он быстро поцеловал Гаррати и отошел.

Гаррати посмотрел ему вслед. Он не знал, что ему думать про Макврайса.

К трем сорока пяти небо расчистилось, и на западе, там, где за золотыми краями облаков пряталось солнце, появилась радуга. Косые лучи предвечернего солнца расцветили недавно вспаханные поля, и борозды, проложенные поперек склонов

холмов, казались глубокими и черными. Тихий шум мотора автофургона почти убаюкивал. Гаррати уронил голову на грудь и погрузился в полудрему на ходу. Где-то впереди – Фрипорт. Но не сегодня и не завтра. Очень много шагов. Долго еще идти. И он чувствовал, что у него накопилось слишком много вопросов и слишком мало ответов. Вся Прогулка представилась ему как один большой смутный вопросительный знак. Он сказал себе, что такая штука должна быть исполнена глубокого смысла. Несомненно, так оно и есть. У такой штуки должен найтись ответ на любой вопрос; только бы ноги не сбились с ритма. И если только ему удастся...

Он ступил в лужу и окончательно проснулся. Пирсон недоуменно взглянул на него и поправил очки.

– Знаешь того пацана, который споткнулся и ободрал коленку, когда мы переходили железнодорожный переезд?

– Да. Зак, по-моему.

– Ага. Я сейчас услышал, что у него все еще течет кровь.

– Эй, маньяк, далеко еще до Карибу? – спросил его кто-то. Гаррати обернулся. Это был Баркович. Он затолкал свою желтую шляпу в задний карман, и она нагло похлопывала его по заднице.

– А я-то откуда знаю?

– Ты же вроде здесь живешь?

– Осталось миль семнадцать, – проинформировал его Макврайс. – А теперь иди, малыш, и займись своими делами.

Лицо Барковича приняло обиженное выражение, и он отошел.

– Претендент на билет, – заметил Гаррати.

– Нечего принимать его близко к сердцу, – отрезал Макврайс. – Подумай лучше о том, как втоптать его в землю.

- Есть, тренер.

Макврайс похлопал Гаррати по плечу:

- Ты победишь, друг.

- Мне кажется, мы идем вечно. Правда?

- Да.

Гаррати облизнул губы. Ему хотелось выразить свою мысль, но он не находил слов.

- Ты когда-нибудь слышал, что у тонущего человека проходит перед глазами вся жизнь?

- По-моему, где-то читал. Или в кино кто-то об этом говорил.

- А тебе не приходило в голову, что такое может случиться с нами? Во время Прогулки?

Макврайс нарочито вздрогнул.

- Господи, надеюсь, такого не будет.

Гаррати помолчал, затем заговорил снова:

- А тебе не кажется... нет, ничего. К черту.

- Нет, продолжай. Что мне не кажется?

- Тебе не кажется, что на этой дороге мы проведем весь остаток жизни? Вот что я хотел сказать. Ту часть жизни, которая оставалась бы у нас, если бы мы... не... Ну, ты понял.

Макврайс достал из кармана пачку сигарет «Мэллоу».

– Закурим?

– Я не курю.

– Я тоже.

С этими словами Макврайс сунул сигарету в рот, нашел в кармане упаковку спичек в виде книжечки с напечатанным на ней рецептом томатного соуса, зажег сигарету, затянулся и закашлялся. Гаррати вспомнился Совет Десятый: берегите дыхание. Если вы курите, постарайтесь не курить в ходе Долгой Прогулки.

– Думаю, я научусь, – с вызовом сказал Макврайс.

– Чепуху несешь, – грустно возразил Гаррати.

Макврайс удивленно взглянул на него, затем отшвырнул сигарету.

– Да, – сказал он. – Наверное, да.

Радуга пропала к четырем часам. С ними поравнялся Дейвидсон, номер 8. Симпатичный парень, только прыщ на подбородке его портил.

– Знаете, Зак действительно здорово пострадал, – сказал он.

Когда Гаррати в последний раз видел Дейвидсона, у того на спине был рюкзак, но с тех пор Дейвидсон успел его выбросить.

– Кровь все течет? – спросил Макврайс.

– Как на бойне. – Дейвидсон покачал головой. – Как все непонятно, правда? Бывает же, что упадешь – и только царапина. А ему нужно накладывать швы. Смотрите. – Он указал на дорогу.

Гаррати увидел маленькие черные пятна на твердом покрытии.

– Кровь?

– Да уж не меласса[3 - Меласса – кормовая патока, отход свеклосахарного производства.], – мрачно отозвался Дейвидсон.

– Он испугался? – отрывисто спросил Олсон.

– Говорит – ему по фигу, – ответил Дейвидсон. – А вот я боюсь. – Он смотрел на них широко раскрытыми серыми глазами. – Я боюсь за всех нас.

Они шли вперед. Бейкер показал Гаррати очередной транспарант с его фамилией.

– Да пошли они, – сказал Гаррати, даже не взглянув. Он не отрывал взгляда от следов крови Зака, словно ковбой, отслеживающий раненого индейца. Цепочка пятен крови шла вдоль белой полосы, немного отклоняясь то вправо, то влево.

– Макврайс! – окликнул Олсон.

В последние часа два его голос сделался заметно тише. Гаррати давно решил, что ему нравится Олсон, несмотря на его показную рисовку. Ему не хотелось думать, что Олсон испуган, но это слишком бросалось в глаза.

– Что? – отозвался Макврайс.

– Это не проходит. Ну, то ощущение, что мышцы обвисли. Я говорил. Оно не проходит.

Макврайс не ответил. В лучах заходящего солнца его шрам казался совершенно белым.

– У меня такое чувство, что ноги вот-вот откажут. Они – как ненадежный фундамент. Так ведь не случится? А? – Голос Олсона почти сорвался.

Макврайс не отвечал.

- Можно мне сигарету? - Голос опять обрел низкий тембр.

- Да. Забирай всю пачку.

Олсон привычным, уверенным движением зажег сигарету и показал нос солдату, наблюдающему за ним с фургона.

- Они пасут меня уже час или около того. У них шестое чувство. - Он возвысил голос: - Вы такое любите, ребята? Скажите, что я прав! Я прав, черт возьми!

Несколько ребят оглянулись на крик и тут же отвернулись. Гаррати тоже не хотел на него смотреть. В голосе слышалась истерика. Солдаты бесстрастно взирали на Олсона. Гаррати подумал, что, должно быть, по группе сейчас пройдет слух об Олсоне, и не смог сдержать дрожь.

К половине пятого они прошли тридцать миль. Солнце уже наполовину зашло, и над горизонтом зажглась кроваво-красная полоса. Грозовые тучи ушли к востоку, и небо над дорогой стало синим и быстро темнело. Гаррати снова подумал о своем воображаемом тонущем. Не таком уже, впрочем, воображаемом. Надвигающаяся ночь скоро поглотит их всех, как море.

Паника снова охватила его. Он почувствовал внезапную уверенность, что видит дневной свет в последний раз в жизни. Ему захотелось, чтобы этот день был долгим. Ему захотелось, чтобы он продолжался. Ему захотелось, чтобы сумерки длились много часов.

- Предупреждение! Предупреждение сотому! Сотый, у вас третье предупреждение!

Зак обернулся. Мутный, непонимающий взгляд. Правая штанина пропитана кровью. И вдруг, совершенно неожиданно, Зак начал набирать скорость. Он помчался вперед, лавируя между Идущими, как футболист с мячом в руках несется к воротам[4 - Речь идет об американском футболе. Эта игра напоминает регби.].

Автофургон увеличил скорость. Зак услышал, что он приближается, и побежал еще быстрее. Бежал он неловко, спотыкаясь, прихрамывая. Рана на колене вновь открылась, и Гаррати увидел, как на дорогу упали свежие капли крови.

Зак вырвался вперед основной группы, сделал еще одно ускорение. В течение нескольких секунд его черный, неестественно неподвижный силуэт вырисовывался на фоне красного неба, как высокое пугало, а затем он пропал. Автофургон последовал за ним, двое солдат спрыгнули с него и унылой походкой зашагали рядом с группой. Лица их были пусты.

Никто не произносил ни слова. Все лишь прислушивались. Очень долго ничего не было слышно. Поразительно, неправдоподобно долго. Только птица пролетела, только ранние майские цикады стрекотали, и еще откуда-то сзади доносился гул самолета.

Затем – резкий окрик, пауза, второй окрик.

– Хотят убедиться, – с тоской сказал кто-то.

Одолев подъем, они увидели фургон, стоящий на обочине примерно в полумиле впереди. Из выхлопной трубы вырывался синий дым. И – никаких следов Зака. Совершенно никаких следов.

– Где Главный? – закричал кто-то. Голос принадлежал круглоголовому парню по фамилии Гриббл, номер 48. В голосе слышалась подступающая паника.

Солдаты не ответили, они молча шли по краю дороги. И никто не ответил.

– Он что, опять речь говорит? – снова завопил Гриббл. – Этим он, наверное, и занимается! Так вот, он убийца! Убийца он, вот кто он такой! И я... Я скажу ему! Думаете, не скажу? Я все выскажу ему в лицо! Выскажу ему в лицо!

Он так разбушевался, что сбился с шага, почти остановился, и солдаты в первый раз обратили на него внимание.

– Предупреждение! Предупреждение сорок восьмому!

Гриббл остановился и тут же двинулся вперед, набирая скорость. Он шагал и смотрел на свои ноги. Скоро Идущие поравнялись с поджидавшим их автофургоном, который медленно пополз с ними рядом.

Примерно без четверти пять Гаррати пообедал: тубик паштета из тунца, несколько крекеров с сырным порошком и много воды. Он буквально заставил себя ограничиться этим. Флягу можно получить в любой момент, а вот новых порций концентратов не будет до девяти утра... а он, возможно, захочет перекусить ночью. Черт возьми, возможно, ему понадобится перекусить ночью.

– Может, для нас сейчас решается вопрос жизни и смерти, – заметил Бейкер, – только аппетит от этого явно не убывает.

– Но мы не можем себе позволить идти у него на поводу, – возразил Гаррати. – Мне не улыбается упасть в обморок где-нибудь часа в два ночи.

Вот уж воистину неприятная перспектива. Наверное, ты ничего не узнаешь и не почувствуешь. Просто проснешься посреди вечности.

– Поневоле задумаешься, правда? – мягко сказал Бейкер.

Гаррати посмотрел на него. Доброе, юное, красивое лицо, освещенное заходящим солнцем.

– Ага. Пропать вопросов, над которыми я задумываюсь.

– Например?

– Вот он хотя бы. – Гаррати кивком указал на Стеббинса, который двигался все тем же шагом, каким шел с самого начала Прогулки. Брюки у него уже почти высохли. Лицо казалось сумрачным. Он все еще берег половинку последнего сэндвича.

– А что такое?

– Мне непонятно, зачем он здесь, почему он ничего не говорит. И еще – выживет он или умрет.

- Гаррати, все мы умрем.

- Будем надеяться, не сегодня.

Гаррати говорил по-прежнему тихо, но его вдруг пробрала дрожь. Он не знал, заметил ли это Бейкер. У него заныл мочевого пузыря. Он повернулся спиной вперед и на ходу расстегнул ширинку.

- А что ты думаешь про Приз? - спросил Бейкер.

- Не вижу смысла о нем думать, - ответил Гаррати и выпустил струю. Закончив, он застегнул ширинку и снова пошел вперед лицом. Он испытывал легкую радость от того, что сумел сделать свое дело и не заработать предупреждение.

- А я вот думаю о нем, - мечтательно проговорил Бейкер. - Даже не столько про Приз, сколько про деньги. Про всю сумму.

- Богатому не попасть в Царство Небесное, - отозвался Гаррати и взглянул на свои ноги - единственное, что пока не позволяло ему доподлинно узнать, где же находится Царство Небесное.

- Аллилуйя, - сказал Олсон. - После встречи нас ждет отдых.

- А ты как, верующий? - спросил Бейкер у Гаррати.

- Нет, не то чтобы. Но я на деньгах не зацикливаюсь.

- Тогда, наверное, ты вырос на картофельном супе и каше, - сказал Бейкер. - А свиное ребрышко - только когда твой отец мог себе позволить.

- Да, пожалуй, это сыграло свою роль, - согласился Гаррати и помолчал, обдумывая, стоит ли продолжать. - Но это далеко не самое важное.

Он понял, что Бейкер смотрит на него непонимающе и с легким упреком.

- Ты хотел сказать, что деньги с собой не возьмешь, - пояснил Макврайс.

Гаррати взглянул на него. На губах Макврайса играла уже знакомая ему раздражающая кривая улыбка.

– Пожалуй, да, – ответил Гаррати. – Мы ничего не приносим в этот мир и ничего не можем из него унести.

– Верно, но тебе не кажется, что в промежутке между приходом и уходом нам лучше было бы пожить в комфорте? – спросил Макврайс.

– Да к черту комфорт, – сказал Гаррати. – Если те козлы, что едут на этой вот игрушке, пристрелят тебя, то ни один врач в мире не оживит тебя, даже если запихнет тебе внутрь кучу двадцаток и пятидесяток.

– Я не умер, – просто сказал Бейкер.

– Да, но ты можешь умереть. – Вдруг его мысль показалась ему столь важной, что он поспешил высказать ее вслух: – Но предположим, ты выиграл. Ты просидишь дома шесть недель, рассчитывая, что бы делать с деньгами, – я про Приз не говорю, только про деньги. И вот ты выходишь за покупками и попадаешь под такси. Что тогда?

Харкнесс приблизился к ним. Теперь он шел рядом с Олсоном.

– Со мной-то такого не будет, – заявил он. – Если я выиграю, то куплю себе целый караван «чеккеров». Если я здесь выиграю, я вообще, наверное, больше пешком ходить не буду.

– Ты не понял, – сказал Гаррати. Еще никогда в жизни он не был так рассержен. – Ешь ты картофельный суп или филе из телятины, живешь в лачуге или в особняке, когда ты умрешь, все кончится и тебя положат в холодильную камеру в морге, как Зака или Эвинга, вот и все. Я хочу только сказать, что лучше получать время от времени, понемногу. Когда человек получает понемногу, он гораздо счастливее.

– Какой красивый словесный понос, – вмешался Макврайс.

– Разве? – закричал Гаррати. – А ты-то какие планы строишь?

– Ну, сегодня сфера моих интересов здорово изменилась, это верно...

– Еще бы она не изменилась, – проворчал Гаррати. – Разница только в том, что сейчас мы все на грани смерти.

Наступило молчание. Харкнесс снял очки и принялся их протирать. Олсон заметно побледнел. Гаррати пожалел о своих словах: он зашел слишком далеко.

Сзади кто-то явственно произнес:

– Слушайте, слушайте!

Гаррати обернулся, уверенный, что это сказал Стеббинс, хотя он еще ни разу не слышал голоса Стеббинса. Но Стеббинс шел, как и раньше, глядя себе под ноги.

– Кажется, я чересчур увлекся, – пробормотал Гаррати; он понимал, однако, что по-настоящему увлекся не он. По-настоящему увлекся Зак. – Кто хочет печенья?

Он раздал печенье товарищам. Случилось это ровно в пять часов. Солнце, наполовину опустившись, как будто зависло над горизонтом. Наверное, прекратилось вращение Земли. Трое или четверо самых рьяных ходоков, ушедших вперед от пелетона, сбавили скорость и шли теперь меньше чем в пятидесяти ярдах впереди основной группы.

Гаррати чудилось, что дорога проложена вдоль нескончаемого подъема и идти под гору им теперь вообще не суждено. Он подумал, что если бы это было правдой, то им в конце концов пришлось бы дышать через кислородные маски. Вдруг он наступил на валяющийся на дороге пояс с карманами для концентратов. Он с удивлением огляделся. Это пояс Олсона. Ладони Олсона как раз шарили по животу. На его лице было написано мрачное изумление.

– Я уронил его, – объяснил Олсон. – Хотел взять поест и выронил его. – Он засмеялся, словно желая показать, какая же глупая штука с ним приключилась. Смех тут же резко оборвался. – Я хочу есть, – сказал Олсон.

Никто не ответил. К этому времени все уже прошли мимо пояса, и никто не имел возможности подобрать его. Гаррати оглянулся и увидел, что пояс Олсона лежит

как раз поперек белой линии.

– Я хочу есть, – терпеливо повторил Олсон.

Главному нравится видеть крутых ребят; кажется, так сказал Олсон, когда вернулся к ним, получив свой номер? Сейчас он уже не назвал бы Олсона крутым парнем. Гаррати исследовал карманы собственного пояса. У него осталось три тюбика концентратов, крекеры и кусок сыра. Правда, сыр довольно грязный.

– Держи, – сказал он и протянул Олсону сыр.

Не сказав ни слова, Олсон съел сыр.

– Мушкетер, – сказал Макврайс все с той же кривой улыбкой.

К половине шестого уже достаточно стемнело; в воздухе висела дымка. Первые светлячки носились туда-сюда. Молочно-белый туман клубился в низинах. Впереди кто-то поинтересовался:

– А что будет, если туман сгустится и кто-нибудь случайно сойдет с дороги?

Немедленно откликнулся легкоузнаваемый отвратный голос Барковича:

– А ты как думаешь, дурила?

Сошли четверо, подумал Гаррати. За восемь с половиной часов ходьбы сошли всего четверо. Он почувствовал толчок в желудке. «Мне ни за что не пережить их всех, – подумал он. – Не пережить всех. А с другой стороны, почему бы и нет? Кто-то обязательно будет последним».

Вместе с дневным светом угасли разговоры. Наступила гнетущая тишина. Обступившая их тьма, влажный воздух, лужицы на дороге... Впервые все это показалось ему абсолютно реальным и совершенно ненатуральным, ему захотелось увидеть Джен или маму, вообще какую-нибудь женщину, и он спросил себя, какого черта он здесь делает и как можно было так влипнуть. Он не мог даже обмануть себя – не знал, мол, заранее, ибо все знал. И влип-то не он один. В этом параде сейчас принимали участие еще девяносто пять придурков.

В горле опять образовался слизистый шарик, мешающий глотать. Гаррати заметил, что впереди кто-то тихо всхлипывает. Он не знал, давно ли слышит этот звук, и никто вокруг не обращал на него внимания, словно этот звук ни к кому из них не имел отношения.

До Карибу осталось десять миль, и там по крайней мере будет свет. От этой мысли ему стало чуточку легче. В конце концов, все не так уж плохо. Он жив, и нет смысла думать о том времени, когда он умрет. Как сказал Макврайс, весь вопрос в изменении сферы интересов.

В четверть шестого пронесся слух, что группа нагоняет парня по фамилии Трейвин, одного из прежних лидеров. У Трейвина начался понос. Гаррати услышал об этом и не поверил, но ему пришлось-таки поверить, когда он увидел Трейвина. Парень на ходу подтягивал штаны. Он получал предупреждение каждый раз, когда садился на корточки. Гаррати, содрогнувшись, подумал, что пусть бы уж дерьмо стекало по ногам. Лучше быть грязным, чем мертвым.

Трейвин шел согнувшись, как Стеббинс, прикрывавший свой сэндвич от дождя. Всякий раз, когда по его телу пробегала судорога, Гаррати знал, что у него очередной желудочный спазм. Гаррати почувствовал отвращение. Никакой романтики, никакой тайны. У парня схватило живот, только и всего, и по этому поводу можно испытывать только отвращение да еще своего рода животный страх. Гаррати ощутил позыв к рвоте.

Солдаты чрезвычайно внимательно следили за Трейвином. Следили и выжидали. Наконец Трейвин не то согнулся, не то упал, и солдаты пристрелили его – со спущенными штанами. Трейвин перевернулся на спину, и на его обращенном к небу лице застыла неприятная жалобная гримаса. Кого-то вырвало, и он получил предупреждение. Гаррати по звуку показалось, что желудок этого пацана вывернулся наизнанку.

– Он будет следующим, – деловито заметил Харкнесс.

– Заткнись, – сдавленно бросил Гаррати. – Заткнись, будь так любезен.

Никто не отозвался. Харкнесс начал смущенно протирать очки. Тот, кого вырвало, застрелен не был.

Их весело приветствовала компания подростков. Они сидели на одеяле и пили колу. Они узнали Гаррати, вскочили на ноги и устроили ему овацию. Ему стало не по себе. У одной из девушек большие груди. Ее дружок не отрываясь смотрел, как они всколыхнулись, когда она вскочила. Гаррати решил, что становится сексуальным маньяком.

- Посмотрите-ка на эти сиськи, - сказал Пирсон. - Боже ты мой!

Гаррати захотелось узнать, девственница ли она; сам-то он оставался девственником.

Они прошли мимо неподвижного, почти идеально круглого пруда, над которым клубился легкий туман. Пруд был похож на зеркало, задрапированное дымом и украшенное по краям таинственным узором из водных растений. Где-то хрипло квакала лягушка. Гаррати решил, что этот пруд - одно из красивейших зрелищ в его жизни.

- Чертовски здоровый штат, - раздался впереди голос Барковича.

- Этот тип чрезвычайно успешно действует мне на нервы, - медленно проговорил Макврайс. - Сейчас в моей жизни осталась одна цель: пережить его.

Олсон вслух молился Деве Марии.

Гаррати с тревогой посмотрел на него.

- Сколько у него предупреждений? - спросил Пирсон.

- Насколько я знаю - ни одного, - ответил Бейкер.

- Хорошо, но выглядит он неважно.

- Мы все уже выглядим не блестяще, - заметил Макврайс.

Снова наступила тишина. Гаррати впервые отметил, что у него болят ноги. Точнее, ступни, а не икроножные мышцы, которые одно время беспокоили его. Он заметил, что бессознательно ступает на внешнюю сторону стопы, но время от

времени наступает на покрытие всей стопой и вздрагивает. Он застегнул «молнию» на куртке и поднял воротник. Воздух по-прежнему был сырой и холодный.

– Эй! Вон там! – весело воскликнул Макврайс.

Гаррати и прочие повернули головы влево. Они проходили мимо кладбища, расположенного на вершине невысокого, поросшего травой холма. Оно было обнесено каменной оградой, а между покосившимися надгробными памятниками собирался туман. Ангел с поломанным крылом таращился на них пустыми глазницами. Птица-поползень сидела на верхушке ржавого флагштока, оставшегося здесь от какого-то государственного праздника, и нагло рассматривала их.

– Вот и первое наше кладбище, – сказал Макврайс. – Оно с твоей стороны, Рей, ты теряешь все очки. Помнишь такую игру?

– Слишком много выступаешь, – неожиданно сказал Олсон.

– Генри, приятель, чем тебе не нравятся кладбища? Здесь царят тишина и покой, как сказал поэт. Славный непромокаемый панцирь...

– Захлопни пасть!

– А, да ты решил пошутить! – невозмутимо продолжал Макврайс. Его шрам горел белым в отблесках уходящего дня. – Ну-ну, Олсон, ты же не скажешь, что тебя не привлекает мысль о смерти? Как говорил поэт: «Но смерти нет, есть долгий-долгий сон в могиле». Тебя не тянет туда, друг? – Макврайс протрубил начало какой-то мелодии. – Выше голову, Чарли! Новый светлый день...

– Оставь его в покое, – тихо сказал Бейкер.

– А почему? Он активно убеждает себя, что может выйти из игры в любой момент, стоит только захотеть. И если он просто ляжет и умрет, это будет не так уж плохо, как кажется другим. Нет, я не собираюсь оставлять его наедине с такими мыслями.

- Не умрет он - умрешь ты, - сказал Гаррати.

- Ну да, я помню. - Макврайс улыбнулся Гаррати напряженной, кривой улыбкой... Только теперь в ней не было ни тени юмора. Неожиданно ему показалось, что Макврайс взбешен, и он почти испугался такого Макврайса. - Это он кое-что забыл. И еще тут этот индюк...

- Я больше не хочу, - глухо сказал Олсон. - Мне все надоело.

- Крутые ребята, - парировал Макврайс, поворачиваясь к Олсону. - Ты ведь так говорил? Ну и к черту их. Так ложись помирай.

- Оставь его в покое, - сказал Гаррати.

- Послушай, Рей...

- Нет, это ты послушай. Хватит с нас одного Барковича. Пусть Хэнк поступает так, как считает нужным. Не забывай, мы не мушкетеры.

Макврайс опять улыбнулся:

- Согласен, Гаррати. Ты выиграл.

Олсон ничего не говорил. Он только поднимал одну ногу, ставил ее на землю и поднимал другую.

К шести тридцати стемнело окончательно. До Карибу теперь оставалось всего шесть миль, и город уже показался на горизонте в туманной дымке. Несколько человек пришли сюда, на дорогу, чтобы встретить Идущих у города. Теперь все они, по-видимому, возвращались домой к ужину. Ноги Гаррати чувствовали прохладную влагу, висящую в воздухе. Звезды стали ярче. Сверкала Венера, и Большая Медведица была на привычном месте. Гаррати с детства хорошо знал созвездия. Он показал Пирсону Кассиопею, но тот только хмыкнул.

Гаррати подумал о Джен, о своей подруге, и почувствовал укол вины за то, что поцеловал ту незнакомую девушку. Он уже забыл, как выглядела та девушка, но помнил, что она взволновала его. Он пришел в возбуждение, когда положил ей

руку на зад; а что было бы, если бы он погладил ее между ног? При этой мысли в паху как будто развернулась пружина, и он слегка вздрогнул.

У Джен длинные, почти до талии, волосы. Ей шестнадцать лет. Грудь у нее не такая большая, как у той девушки, с которой он целовался. Он любил играть с ее грудью. От этого он сходил с ума. Она не позволила бы ему заняться с ней любовью, а он не знал, как ее заставить. Ей этого хотелось, но она не согласилась бы. Гаррати знал, что некоторые ребята умеют это – уговорить девушку, но ему, наверное, не хватало характера – а может быть, воли, – чтобы ее убедить. Интересно, сколько девственников среди них? Вот Гриббл назвал Главного убийцей. Девственник ли Гриббл? Не исключено.

Они пересекли городскую черту Карибу. Их встретила большая толпа и микроавтобус телестудии. Ряды фонарей освещали дорогу теплым белым светом. Идущие словно вступили в лагуну солнечного света, им предстоит пройти ее и опять раствориться во мраке.

Толстяк телевизионщик, одетый в костюм-тройку, затрусил рядом с ними. Он подносил то одному, то другому участнику Прогулки микрофон на длинном шнуре и задавал вопросы. Позади него два техника разматывали моток кабеля.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. По-моему, нормально.

– Вы не устали?

– Ну да, вы сами понимаете. Да. Но я пока в порядке.

– Как вы полагаете, каковы сейчас ваши шансы?

– Ну, не знаю... Думаю, нормальные. У меня сохранилось достаточно сил.

Громадного как бык парня, Скрамма, он спросил, что тот думает о Долгой Прогулке. Скрамм ухмыльнулся и сказал, что, на его взгляд, это самая долгая на свете гребаная штука. Репортер сделал техникам знак, имитирующий движение ножниц, и один из техников устало кивнул.

Вскоре кабель был размотан на всю длину, и репортер стал пробираться обратно к передвижной студии, стараясь не споткнуться о кабель. Зрители, которым телевизионщики были не менее интересны, чем участники Прогулки, оглушительно ревели и ритмично поднимали и опускали плакаты с портретами Главного. Палки, к которым они прибили портреты, были срезаны совсем недавно, так что даже не успели высохнуть. Когда они увидели, что камеры направлены на них, они принялись орать еще неистовее и махать руками, чтобы передать привет тетушкам бетти и дядюшкам фредам.

Идущие свернули за угол и прошли мимо небольшого магазина, около которого его владелец, коротышка в заляпанном белом костюме, выставил столик с прохладительными напитками и повесил над ним надпись: ПОДАРОК УЧАСТНИКАМ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ – ЗА СЧЕТ МАГАЗИНА «У ЭВА»! Неподалеку стоял полицейский патрульный автомобиль, и двое полицейских объясняли Эву (как они делали это каждый год), что правила запрещают зрителям предлагать Идущим какую-либо помощь, в том числе и прохладительные напитки.

Они прошли мимо «Карибу пэйпер миллс инкорпорейтед» – громадного закопченного здания, стоящего на берегу грязной речки. Работники этой писчебумажной фабрики выстроились вдоль забора, дружески приветствовали ходяков, махали руками. Последнего из идущих – Стеббинса – они освистали, и Гаррати, оглянувшись через плечо, увидел, что рабочие потянулись обратно в здание.

– Он тебя спрашивал? – осведомился у Гаррати скрипучий голос. Гаррати раздраженно взглянул на надоедливого Гэри Барковича:

– Кто меня спрашивал и о чем?

– Репортер, дурила. Он спрашивал, как ты себя чувствуешь?

– Нет, он ко мне не подходил.

Гаррати очень хотелось, чтобы Баркович убрался прочь. И еще ему хотелось, чтобы острая боль в подошвах убралась прочь.

– А меня спрашивали, – объявил Баркович. – И знаешь, что я им сказал?

- Не-а.

- Я сказал, что чувствую себя великолепно, - с вызовом произнес Баркович. - Сказал, что чувствую в себе колоссальную силу. Сказал, что готов вечно идти вперед. А знаешь, что я им еще сказал?

- Да заткнись ты, - бросил Пирсон.

- Тебя-то, урод долговязый, кто спрашивает? - крикнул Баркович.

- Вали отсюда, - сказал Макврайс. - У меня голова от тебя болит.

Нового оскорбления Баркович не вытерпел. Он зашагал вперед и прицепился к Колли Паркеру:

- Он тебя спрашивал?..

- Греби отсюда, пока я не оторвал тебе нос и не заставил его сожрать, - прорычал Колли Паркер. Баркович поспешно отошел. О Колли Паркере говорили, что он злобный сукин сын.

- От этого типа мне на стенку лезть хочется, - сказал Пирсон.

- Он был бы рад это слышать, - сказал Макврайс. - Ему бы это понравилось. Он сказал репортеру, что хотел бы сплясать на множестве могил. И он говорил, что думал. Именно это и помогает ему идти.

- Если еще раз подойдет, я его сшибу, - заявил Олсон. Голос у него был усталый и тусклый.

- Ша-ша. - Это Макврайс. - Совет Восьмой: не мешать другим Идущим.

- Засунь этот Совет знаешь куда, - возразил Олсон с легкой улыбкой.

- Смотри-ка, - усмехнулся Макврайс, - ты начинаешь оживать.

К семи часам вечера группа, до сих пор двигавшаяся со скоростью, совсем чуть-чуть превышающей минимальную, пошла несколько быстрее. Становилось прохладно, и быстрый шаг помогал согреться. Они прошли под платной магистралью, и несколько человек, находившихся в стеклянном магазине у въезда на магистраль, приветствовали их криками.

- Мы ведь, кажется, должны где-то пройти по платной магистрали? - спросил Бейкер.

- В Олдтауне, - ответил Гаррати. - Дотуда примерно сто двадцать миль.

Харкнесс присвистнул.

Очень скоро Идущие вошли в центральную часть Карибу. Теперь они находились в сорока четырех милях от старта.

Глава 4

Последнее игровое шоу будет таким: проигравшего убивают.

Чак Бэррис,

создатель игровых шоу

Проект «Гонг-шоу»

Карибу разочаровал всех. Он оказался в точности таким, как Лаймстоун.

Зрителей здесь было больше, но во всех прочих отношениях это был самый обыкновенный фабричный городок, в котором имелось несколько автозаправочных станций и магазинов, один торговый центр, в котором, согласно развешенным повсюду рекламным объявлениям, проходила НАША ЕЖЕГОДНАЯ РАСПРОДАЖА «ИДИ СЕГОДНЯ ЗА ТЕМ, ЧТО ЦЕННО!», и парк с мемориалом, посвященным ветеранам войны. Маленький, жутко непрофессиональный ансамбль учащихся средней школы сыграл сначала национальный гимн, затем - смесь разных маршей Союзы и наконец проявил

свой до ужаса отвратный вкус тем, что изобразил мелодию «Марша в Преторию».

Вновь напомнила о себе та женщина, которая безумно далеко отсюда уже поднимала шум. Она все еще разыскивала своего Перси. На сей раз ей удалось пробраться через полицейский кордон и выбраться прямо на дорогу. Она расталкивала Идущих, а одному из них даже нечаянно поставила подножку. Она вопила, чтобы Перси немедленно шел домой. Солдаты взяли карабины на изготовку, и всем показалось, что она вот-вот сама получит билет за вмешательство в ход Прогулки. Затем один из полицейских замкнул наручник на запястье женщины и уволок ее. Маленький мальчик сидел на мусорном баке с надписью ПУСТЬ МЭН БУДЕТ ЧИСТЫМ, ел сосиску в булочке и внимательно наблюдал, как полицейские заталкивают мать Перси в патрульную машину. Эпизод с матерью Перси был самым запоминающимся из всех, что имели место в Карибу.

– Рей, что после Олдтауна? – спросил Макврайс.

– У меня нет карты маршрута, – раздраженно бросил Гаррати. – Думаю, Бангор. Потом Огаста. Потом Киттери и граница штата, до нее осталось миль триста тридцать. Хочешь верь, хочешь не верь. Идет? Я сказал все, что знаю.

Кто-то присвистнул:

– Триста тридцать миль!

– Невероятно, – мрачно проговорил Харкнесс.

– Да в этой проклятой Прогулке все невероятно, – сказал Макврайс. – Интересно, где сейчас Главный?

– Трахается в Огасте, – отозвался Олсон.

Все улыбнулись, а Гаррати отметил про себя: удивительно, но за каких-то десять часов Главный превратился в их глазах из Бога в маммону.

Оставалось девяносто пять человек. Но даже не это самое худшее. Хуже всего увидеть, как покупает билет Макврайс или Бейкер. Или Харкнесс, который так носится со своей дурацкой идеей насчет книги. Гаррати трусливо отогнал от себя эту мысль.

Карибу остался позади, и теперь они двигались по пустынной дороге. Они миновали перекресток, и еще долго в спину им светил единственный высокий фонарь, освещая их фигуры и создавая на дороге длинные ломаные тени. Вдалеке послышался гудок поезда. Луна освещала неверным светом стелющийся по земле туман и придавала ему жемчужно-опаловый оттенок.

Гаррати отхлебнул воды.

– Предупреждение! Предупреждение двенадцатому! Двенадцатый, у вас последнее предупреждение!

12-й номер был у мальчика по фамилии Фентер. На нем была сувенирная тенниска с надписью Я ПРОЕХАЛ ПО ВАШИНГТОНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. Фентер облизывал губы. Прошуршал слух, что у него сильно одеревенела нога. Когда десять минут спустя его застрелили, Гаррати почти ничего не почувствовал. Он слишком устал. Он обошел тело Фентера. Глянул вниз, увидел какой-то блестящий предмет у него в руке. Образ святого Христофора.

– Хотите знать, чем я займусь, если выберусь отсюда? – нарушил молчание Макврайс.

– Чем? – спросил Бейкер.

– Сексом. Пока конец не посинеет. Мне в жизни так не хотелось, как сейчас, именно вот сейчас, без четверти восемь вечера первого мая.

– Ты это серьезно? – спросил Гаррати.

– Вполне, – кивнул Макврайс. – У меня и на тебя, Рей, встанет, если ты еще не начал бриться.

Гаррати рассмеялся.

– Прекрасный принц – вот кто я такой, – сказал Макврайс. Его рука коснулась шрама на щеке. – И сейчас мне нужна только Спящая Красавица. Я разбужу ее поцелуем взапас, и мы с ней вдвоем поедem туда, где заходит солнце. Или хотя бы в ближайший мотель.

– Пойдем, – без всякой связи сказал Олсон.

– Что такое?

– Пойдем туда, где заходит солнце.

– Пойдем туда, где заходит солнце, согласен, – продолжал Макврайс. – Так или иначе – истинная любовь. Дорогой мой Хэнк, ты веришь в истинную любовь?

– Я верю, что могу кидать палки, – ответил Олсон, и Арт Бейкер расхохотался.

– Я верю в истинную любовь, – сказал Гаррати и тут же пожалел об этом. Слишком наивно вышло.

– А я знаете почему не верю? – сказал Олсон. Он посмотрел на Гаррати и вдруг оскалил зубы. Страшноватой вышла эта усмешка. – Спросите Фентера. Спросите Зака. Они знают.

– Ничего себе взгляд, – вмешался Пирсон. Он вынырнул откуда-то из темноты и опять пошел рядом с ними. Он хромал; не то чтобы жестоко, но довольно заметно хромал.

– Ну почему же, – возразил Макврайс и, помолчав, загадочно добавил: – Мертвяков никто не любит.

– Их Эдгар Аллан По любил, – сообщил Бейкер. – В школе я писал о нем реферат и читал, что у него было извращение... не... некро...

– Некрофилия, – подсказал Гаррати.

– Вот-вот.

- Что это такое? – спросил Пирсон.

- Это когда тебя сильно тянет переспать с мертвой женщиной, – объяснил Бейкер. – Ну, или с мертвым мужчиной – если ты женщина.

- Или гомик, – вставил Макврайс.

- Черт подери, – прохрипел Олсон, – мы совсем до каких-то гадостей договорились. Обсуждаем, как трахать мертвецов!

- А почему бы и не обсудить? – произнес низкий печальный голос. Абрахам, номер 2. Он был высокий и какой-то развинченный; при ходьбе все время волочил ноги. – На мой взгляд, каждому из нас не мешало бы задуматься на минутку, какая половая жизнь ждет нас в следующем мире.

- Мне – Мэрилин Монро, – заявил Макврайс. – А ты, дружище Аб, можешь заполучить Элеонору Рузвельт[5 - Элеонора Рузвельт (1884-1962) – супруга 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта. Пользовалась большой популярностью как общественный деятель.].

Абрахам жестом попросил его замолчать. Где-то впереди солдаты вынесли предупреждение.

- Секунду. Одну секунду только, чтоб вам... – Олсон говорил медленно, словно испытывал серьезные затруднения с речью. – Вы все совершенно не то говорите. Вы все.

- Трансцендентальные свойства любви, лекция знаменитого философа и великого трахаля Генри Олсона, – сказал Макврайс. – Автора «Ямки между грудями» и других работ, посвященных...

- погоди! – заорал Олсон. Его надтреснутый голос напоминал звук бьющегося стекла. – Можешь ты, сука, хоть одну секунду помолчать? Любовь – это залезть и вставить! Это ничто! Это мерзость, вот и все! Вы поняли?

Никто не ответил. Гаррати смотрел вперед, туда, где черные как уголь холмы смыкались с темным, усеянным точками звезд небом. Подумал о том, не

начинаются ли судороги в его левой стопе. «Я хочу сесть, – зло подумал он. – К черту все, я хочу сесть».

– Любовь – это пшик! – рычал Олсон. – В жизни есть три настоящие вещи: хорошо пожрать, хорошо потрахаться и хорошо посрать. Все! А когда вы станете такими, как Фентер и Зак...

– Помолчи, – раздался сзади усталый голос. Гаррати знал, что это сказал Стеббинс, но, когда он обернулся, Стеббинс по-прежнему шагал вдоль левой кромки дороги, глядя себе под ноги.

В небе пролетел сверхзвуковой самолет и прочертил за собой длинную перистую полосу. Он летел довольно низко, так что Идущие могли видеть мигающие бортовые огни – желтый и зеленый. Бейкер снова принялся насвистывать. Глаза Гаррати почти закрылись. Ноги шли сами по себе.

Его ум стал уплывать куда-то в полудреме. Обрывки мыслей лениво бродили в голове, наслаивались друг на друга. Он вспоминал, как мама пела ему ирландскую колыбельную, когда он был маленьким... что-то о море и раковинах, о царстве подводном. Вспоминал ее лицо, огромное и прекрасное, как лицо актрисы на киноэкране. Он хотел целовать ее и любить вечно. А когда он вырастет, он на ней женится.

Затем на ее месте возникло добродушное польское личико Джен, ее светлые волосы, свободно спадающие почти до пояса. На ней был купальник-бикини и короткий пляжный халат – ведь они ехали в Рид-Бич. На Гаррати были потрепанные хлопчатобумажные шорты.

Джен уже не было. Ее лицо стало лицом Джимми Оуэнса, мальчишки, который жил в квартале от них. Гаррати было пять, и Джимми было пять, и мама Джимми застучала их, когда они в песочнице около дома Джимми играли в больницу. Оба они, голые, рассматривали друг у друга затвердевшие пенисы. Мама Джимми позвонила тогда его маме, его мама примчалась за ним, усадила на стул у себя в спальне и стала спрашивать, как ему понравится, если она проведет его без одежды по всей улице. Его засыпающее тело содрогнулось от смущения и стыда. Он расплакался тогда и умолял, чтобы она не водила его без одежды... и не говорила отцу.

Ему семь лет. Они с Джимми Оуэнсом стоят у запыленной витрины магазина строительных материалов Бэрра и рассматривают календари с изображениями голых женщин; они знают, на что они пялятся, и в то же время совсем ничего не знают, но чувствуют непонятное, постыдное, но приятное возбуждение. Что-то наползает на них. Там была одна блондинка, бедра ее были прикрыты голубой шелковой тканью, и на нее они долго смотрели, очень долго. И еще они спорили о том, что бывает под одеждой. Джимми сказал, что видел свою мать без одежды. Джимми сказал, что знает. Джимми сказал, что там волосики и открытая щель. А Гаррати не поверил Джимми, потому что рассказ Джимми был отвратителен.

Но он не сомневался, что у женщин там должно быть не так, как у мужчин, и они долго, до самой темноты обсуждали этот вопрос. Напротив магазина Бэрра находилась бейсбольная площадка, и они с Джимми наблюдали за матчем дворовых команд, убивали комаров у себя на щеках и спорили. Даже сейчас, в полусне, он чувствовал, именно чувствовал набрякший бугор между ног.

На следующий год он ударил Джимми Оуэнса по губам дулом духового ружья, и врачам пришлось наложить Джимми четыре шва на верхнюю губу. Это было за год до того, как они переехали. Он не хотел бить Джимми по губам. Это вышло случайно. Он был уверен, хотя к тому времени уже знал, что Джимми был прав, так как он сам увидел свою мать голой (он не хотел видеть ее голой, это вышло случайно). Там внизу волосики. Волосики и щель.

Ш-ш-ш, родной, это не тигр, это твой медвежонок... Море и раковины, царство подводное... Мама любит своего мальчика... Ш-ш-ш... Баю-бай...

- Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

Кто-то грубо пихнул его локтем под ребро.

- Это тебе, друг. Проснись и пой. - Макврайс широко улыбался ему.

- Сколько времени? - с трудом проговорил Гаррати.

- Восемь тридцать пять.

– Но я же...

– Целую ночь проспал, – договорил за него Макврайс. – Мне это чувство знакомо.

– Ну да, мне так казалось.

– Старый обманный трюк мозга, – сказал Макврайс. – Хорошо, что ноги такой трюк не применяют, правда?

– А я их смазал, – сказал Пирсон с идиотской ухмылкой. – Хорошо, что никто до этого не додумался, правда?

Гаррати пришло в голову, что воспоминания – все равно что линия, прочерченная в пыли: чем дальше, тем более неясной она становится и тем тяжелее разглядеть ее. А в конце – ничего, кроме гладкой поверхности, пустоты, из которой ты явился на свет. А еще воспоминания чем-то похожи на дорогу. Она перед тобой, реальная, осязаемая, и в то же время начало пути, то место, где ты был в девять часов утра, очень далеко и не играет для тебя никакой роли.

Участники Прогулки одолели почти пятьдесят миль. Заговорили о том, что скоро появится джип Главного, на отметке в пятьдесят миль он ознакомится с положением дел и произнесет небольшую речь. Гаррати решил, что этот слух скорее всего не подтвердится.

Перед ними лежал долгий крутой подъем, и Гаррати решил снять куртку, но передумал. Все-таки он расстегнул «молнию» и решил некоторое время идти спиной вперед. Перед ним мелькнули огни Карибу, и он подумал о жене Лота, которая обернулась и превратилась в соляной столп.

– Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому! Второе предупреждение, сорок седьмой!

Гаррати не сразу понял, что эти слова обращены к нему. Второе предупреждение за десять минут. К нему вновь вернулся страх. Ему вспомнился безымянный мальчик, который умер оттого, что слишком часто замедлял ход. А он делает сейчас то же самое.

Он огляделся. Маквайс, Харкнесс, Бейкер и Олсон смотрели на него. Олсон держался особенно хорошо. Гаррати уловил его напряженный взгляд. Олсон пережил шестерых. И ему хочется, чтобы Гаррати стал седьмым. Семь – счастливое число. Он желает, чтобы Гаррати умер.

– На мне что-нибудь написано? – раздраженно обратился к нему Гаррати.

– Нет, – ответил Олсон, отводя взгляд. – Нет, конечно.

Теперь Гаррати шагал сосредоточенно и решительно, размахивая руками в такт ходьбе. Без двадцати девять. Без двадцати одиннадцать – через восемь миль – у него снова не будет предупреждений. Он испытывал истерическое желание выкрикнуть вслух, что он способен преодолеть эти восемь миль, что незачем группе говорить о нем, они не увидят, как он получает билет... пока.

Туман расплзался полосками по дороге. Фигуры ребят, движущиеся среди тумана, напоминали острова, почему-то пустившиеся в свободное плавание. На исходе пятидесятой мили Прогулки они прошли мимо небольшого покосившегося гаража, у дверей которого лежал проржавевший бензонасос. Гараж этот показался Идущим не более чем зловещей бесформенной тенью, выступившей из тумана. Единственным источником света в этом месте была флюоресцентная лампа в телефонной будке. Главный не появился. И никто не появился.

Они прошли поворот и увидели впереди желтый дорожный знак. По группе прошелестел слух, и прежде чем Гаррати смог прочитать надпись, он уже знал ее содержание: **КРУТОЙ ПОДЪЕМ. АВТОМОБИЛЯМ ДВИГАТЬСЯ НА МАЛЫХ ПЕРЕДАЧАХ.**

Вздохи, стоны. Где-то впереди раздался веселый голос Барковича:

– Вперед, братцы! Кто наперегонки со мной?

– Ты, маленькое недоразумение, захлопни свою вонючую пасть, – тихо ответил кто-то.

– Обгони-ка меня, дурила! – взвизгнул Баркович. – Три-четыре! Ну, обгони меня!

– У него ломается голос, – сказал Бейкер.

– Нет, – возразил Маквайс, – это он сам выламывается. Такие люди всегда очень много выламываются.

Очень тихий, мертвенный голос Олсона:

– Кажется, мне не одолеть этот холм. Четыре мили в час я не сделаю.

Они уже подошли к подножию холма. Вот-вот начнется подъем. Из-за тумана вершины не было видно. Вполне возможно, подумал Гаррати, этот подъем не кончится никогда.

Они шли вверх.

Гаррати обнаружил, что вверх идти легче, если смотреть под ноги и слегка наклонить корпус вперед. Надо смотреть вниз, на узенькую полоску земли между стопами, и тогда возникает впечатление, что идешь по горизонтальной поверхности. Конечно, не удастся убедить себя, что легкие работают в нормальном режиме и глотка не пересыхает, поскольку это не так.

Как ни странно, опять прошелестел слух – значит, у кого-то еще хватало дыхания. Говорили о том, что в гору предстоит идти четверть мили. Еще говорили, что в гору предстоит идти две мили. Еще говорили, что никогда ни один Идущий не получал билета на этом холме. Еще говорили, что в прошлом году здесь трое получили билеты. И наконец разговоры прекратились.

– Я не могу. Я больше не могу, – монотонно повторял Олсон. Он дышал коротко и часто, как измученная собака, но все же продолжал идти, и все они продолжали идти. Стали слышны негромкие хрипы в груди и неровное дыхание Идущих. Других звуков не было – только бормотание Олсона, шарканье множества подошв и треск двигателя автофургона, который двигался вдоль обочины рядом с группой.

Гаррати почувствовал, как внутри у него растет панический страх. Он вполне может здесь умереть. Ничего особенного. Он уже задремал на ходу и заработал два предупреждения. До последней черты осталось совсем немного. Стоит ему

сбиться с шага, и он получит третье, последнее предупреждение. А затем...

- Предупреждение! Предупреждение семидесятому!

- По твою душу, Олсон, - сказал, тяжело дыша, Макврайс. - Соберись. Я хочу посмотреть, как на спуске ты спляшешь, как Фред Астор[6 - Фред Астор - популярный в предвоенные годы американский эстрадный артист. Ему и его партнерше Джинджер Роджерс посвящен фильм Ф. Феллини «Джинджер и Фред».]].

- Тебе-то какое дело? - огрызнулся Олсон.

Макврайс не ответил. Олсон же нашел в себе еще какие-то силы и зашагал с нужной скоростью. Гаррати испуганно подумал: те силы, которые отыскал Олсон, - не последний ли его запас? А еще он вспомнил про Стеббинса, бредущего в хвосте группы. Как ты там, Стеббинс? Не устал еще?

Впереди номер 60, парень по фамилии Ларсон, неожиданно сел на землю. Получил предупреждение. Группа разделилась, чтобы обойти его, как расступились воды Чермного моря перед сынами Израилевыми[7 - См. Исход, гл. 14. Чермное море - Красное море.]].

- Я просто отдохну чуть-чуть, можно? - сказал Ларсон с доверчивой, подкупающей улыбкой. - Я сейчас не могу больше идти. - Его улыбка стала шире, и он продемонстрировал ее солдату, который спрыгнул с автофургона с карабином в одной руке и с хронометром из нержавеющей стали в другой.

- Предупреждение шестидесятому, - сказал солдат. - Второе предупреждение.

- Послушайте, я нагоню, - очень убедительно заговорил Ларсон. - Я просто отдыхаю. Не может же человек все время идти. Ну не все же время! Правильно я говорю, ребята?

Олсон прошел мимо него с коротким стоном и отшатнулся, когда Ларсон попытался дотронуться до его штанины.

Гаррати почувствовал, как кровь пульсирует в висках. Ларсон получил третье предупреждение... Теперь до него дойдет, подумал Гаррати, вот сейчас он поднимется и рванет дальше.

По всей видимости, до Ларсона наконец дошло. Он вернулся к реальности.

– Эй! – слышался за спинами Идущих его голос, высокий и встревоженный. – Эй, секундочку, не делайте этого, я встаю. Эй, не надо! Не...

Выстрел. Путь в гору продолжался.

– Девяносто три бутылки на полке, – тихо проговорил Макврайс.

Гаррати не стал отвечать. Он смотрел под ноги и шел вперед, полностью сосредоточившись на единственной задаче: добраться до вершины холма без третьего предупреждения. Этот подъем, этот чудовищный подъем должен же скоро кончиться. Он обязательно кончится.

Кто-то впереди издал пронзительный, задыхающийся крик, и карабины выстрелили одновременно.

– Баркович, – хрипло сказал Бейкер. – Это Баркович, я уверен.

– А вот и нет, козел! – отозвался из темноты Баркович. – Ошибка – сто процентов!

Они так и не увидели парня, который сошел вслед за Ларсоном. Он шел в авангарде, и его успели убрать с дороги до того, как основная группа подошла к месту его гибели. Гаррати решил поднять взгляд от дороги и тут же об этом пожалел. Он увидел вершину холма – едва-едва увидел. До нее оставалось примерно столько, сколько от одних футбольных ворот до других [8 - Длина поля в американском футболе – 120 ярдов, или 110 м.]. Все равно что сто миль. Никто ничего не говорил. Каждый погрузился в свой отдельный мир страданий и борьбы за жизнь. Невероятно долгие секунды, долгие, как часы.

Неподалеку от вершины от основной трассы отходила незаасфальтированная проезжая дорога, и на ней стоял фермер с семейством. Старик со сросшимися бровями, женщина с мелкими острыми чертами лица и трое подростков – судя по

виду, все трое туповатые, – молча смотрели на проходящих мимо ходоков.

– Ему бы... вилы, – задыхаясь, выговорил Макврайс. По его лицу струился пот. – И пусть... его... рисует... Грант Вуд[9 - Грант Вуд – американский художник, работавший в первой половине XX в. Изображал сцены из жизни американской провинции.].

Кто-то крикнул:

– Привет, папаша!

Ни фермер, ни его жена, ни его дети не ответили. Они не улыбались. Не держали табличек. Не махали. Они смотрели. Гаррати вспомнил вестерны, которые он во время оно смотрел по субботам; там герой оставался умирать в пустыне, а над его головой кружили сарычи. Семейство фермера осталось позади, и Гаррати был этому рад. Он подумал, что этот фермер, и его жена, и его туповатые отпрыски будут стоять на этом месте первого мая и на следующий год... и еще через год... и еще. Скольких мальчишек застрелили на их глазах? Дюжину? Или двоих? Гаррати не хотелось об этом думать. Он сделал глоток из фляги, прополоскал рот, пытаясь смыть запекшуюся слюну, затем выплюнул воду.

Подъем не кончился. Впереди Толанд потерял сознание и был убит после того, как оставшийся около него солдат вынес бесчувственному телу три предупреждения. Гаррати казалось, что они идут в гору по меньшей мере месяц. Ну да, как минимум месяц, и это еще скромная оценка, потому что на самом деле идут они четвертый год. Он хихикнул, опять набрал в рот воды, прополоскал и на этот раз проглотил воду. Судороги пока нет. Сейчас судорога его доконала бы. Но она может приключиться. Может, из-за того, что кто-то приделал к его туфлям свинцовые подошвы, когда он отвернулся.

Девятерых уже нет, и ровно треть от этого числа легла здесь, на этом подъеме. Главный предложил Олсону устроить им ад, но это не ад, это нечто весьма похожее. Очень, очень похожее...

О Господи Иисусе...

Гаррати вдруг понял, что у него кружится голова и он тоже вполне может потерять сознание. Он поднял руку и несколько раз с силой ударил себя по лицу.

- Ты в порядке? - спросил его Макврайс.

- Теряю сознание.

- Вылей... - Натужный, свистящий вздох. - Флягу... на голову.

Гаррати последовал совету. Нарекаю тебя Реймондом Дейвисом Гаррати, рах vobiscum[10 - Мир с вами (лат.)]. Очень холодная вода. Но головокружение прошло. Вода пролилась за шиворот, и по телу побежали леденящие ручейки.

- Флягу! Сорок седьмому! - Он вложил в этот крик столько сил, что немедленно вновь почувствовал себя вымотанным до предела. Надо было чуть-чуть подождать.

Один из солдат трусцой подбежал к нему и протянул свежую флягу. Гаррати почувствовал, как непроницаемые мраморные глаза солдата оценивающе смотрят на него.

- Уходи, - грубо сказал он, принимая флягу. - Тебе платят за то, чтобы ты в меня стрелял, а не глазел.

Солдат удалился. Лицо его не дрогнуло. Гаррати заставил себя чуть прибавить шагу.

Они шли вперед, билетов никто не получал, и в девять часов они были на вершине. Двенадцать часов они в пути. Но это не важно. Важно то, что на вершине их обдувает свежий ветер. И птица пролетела. И мокрая рубаха прилипла к спине. И воспоминания в мозгу. Вот что важно, и Гаррати сознательно отдался этим ощущениям. Они принадлежат ему, он их еще не утратил.

- Пит!

- Да.

– Послушай, я рад, что живой.

Макврайс не ответил. Теперь они шли под гору. Идти стало легко.

– Я очень постараюсь выжить, – сказал Гаррати почти виноватым тоном.

Они прошли очередной поворот. До Олдтауна и сравнительно прямой главной магистрали оставалось еще сто пятнадцать миль.

– А разве не это – наша главная задача? – помолчав, сказал Макврайс. Голос у него был теперь глухой и хриплый, словно доносился из пыльного погреба.

Некоторое время все молчали. Бейкер – у него пока не было предупреждений – шел ровной легкой походкой, засунув руки в карманы; голова его слегка покачивалась в такт ходьбе. Олсон снова беседовал с Пресвятой Богородицей. Лицо его казалось белым пятном в ночной тьме. Харкнесс решил поесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

около 6,5 км в час. – Здесь и далее примеч. пер.

2

имеется в виду достижение, рекордное для бейсбольных чемпионатов США.

3

Меласса – кормовая патока, отход свеклосахарного производства.

4

Речь идет об американском футболе. Эта игра напоминает регби.

5

Элеонора Рузвельт (1884–1962) – супруга 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта. Пользовалась большой популярностью как общественный деятель.

6

Фред Астор – популярный в предвоенные годы американский эстрадный артист. Ему и его партнерше Джинджер Роджерс посвящен фильм Ф. Феллини «Джинджер и Фред».

7

См. Исход, гл. 14. Чермное море – Красное море.

8

Длина поля в американском футболе – 120 ярдов, или 110 м.

9

Грант Вуд – американский художник, работавший в первой половине XX в. Изображал сцены из жизни американской провинции.

10

Мир с вами (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/dolgaya-progulka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)